

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

И. В. Ермолин

Предумышленный прилов каспийского тюленя и развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане: экономико-социологический подход¹

ЕРМОЛИН Илья Васильевич — кандидат политических наук, приглашённый научный сотрудник, совмещённая должность: Школа изучения Земли и окружающей среды, Школа биологии, Университет Лидса, Англия (Адрес: Woodhouse Lane, Leeds LS2 9JT, UK), содиректор Центра исследований преступлений в сфере окружающей среды, Копенгаген, Дания (Адрес: Borups Allé 235 B, 3. tv. 2400, Copenhagen NV 2400, Denmark).

Email: ilyaer31@gmail.com

Статья посвящена анализу предумышленного прилова каспийского тюленя как экономико-социального явления нерегулируемой рыбодобывающей деятельности в Республике Дагестан, РФ. Исследование, ставшее продолжением изучения социально-экономических последствий осетрового браконьерства (2012 г.), приобрело самостоятельный характер в 2015 г. и продолжается в настоящее время. Стратегия исследования на представленном этапе включала использование антропологической и социологической методологий (интервью, фокус-группы и полевые наблюдения, отражённые в этнографическом дневнике), а также социобиографический метод и «обоснованную теорию». Автор выделил четыре звена нелегального рынка товаров из каспийского тюленя, территориально включающие прибрежные (непосредственно изъятие биоресурса как первое звено рынка и скупка туш или шкур, а также первичная обработка шкур посредниками как второе звено), предгорный и горные районы республики. Автор утверждает, что зарождение рынка в регионе тесно связано с возникновением «автономного» ресурсодобывающего сообщества как продукта развала СССР, главными социальными единицами которого являются «осетровая» бригада (первое звено) и посредники (второе звено). «Автономное» сообщество способствует восприятию нелегальности молодыми членами бригад как априорно данного феномена, порождённого долговременным отсутствием государства как регулятора социально-экономических процессов. Социальное взаимодействие среди акторов сообщества определяется реципрокными и редистрибутивными механизмами, подкрепляемыми репутацией в случае интеракции между посредниками и членами бригад, с одной стороны, и ремесленниками-«шапочниками» (четвёртое звено), с другой, а также моральным долгом в случае выполнения неформального контракта членами бригады в бригаде. Примерами для анализа явились разные ситуации долгового оборота среди акторов сообщества: включение предумышленного прилова каспийского тюленя в условия нового неформального контракта между молодыми членами бригад и владельцем, «похищение» члена бригады после ареста рыбака в Казахстане за незаконный промысел, «выкупная» операция члена бригады из тюрьмы в Казахстане («казахский плен»), скупка посредниками туш и шкур тюленя, первичная обработка и последующая перепродажа шкур ремесленникам-«шапочникам» в горные районы Дагестана.

¹ Исследование было поддержано грантом Комитета по исследованиям Национального географического общества США (US National Geographic Society, Grant no W 271-13).

Ключевые слова: нелегальный рынок биоресурсов; «автономное» сообщество; реципрокность; реди-стрибуция; Каспийское море; браконьерство.

Введение

Прилов — неумышленный вылов морских млекопитающих или определённых видов рыб [Soykan et al. 2008] — получил относительно небольшое внимание со стороны биологов и экологов [Read, Drinke, Northridge 2006; Vanhatalo et al. 2014; Johnston et al. 2015]. Однако проведённые исследования показывают, что прилов оказывает значительное влияние на локальные морские экосистемы, сокращая популяции высших хищников.

Недавно проблема прилова была определена под другим углом зрения — как предумышленный акт, порождающий дополнительный источник заработка для присваивателей [MacMillan, Han 2011] и в некоторых случаях дающий толчок для развития сложных рыночных структур как в конкретном регионе, так и за его пределами [Ermolin, Svolkinas 2018]. Естественно, что предумышленный прилов изменяет потребительскую структуру рынка, а иногда и порождает сам рынок в регионе.

В данной статье автор уделяет внимание вопросу развития такого рынка товаров из каспийского тюленя в прибрежных районах Республики Дагестан, анализируя его структуру, функционирование и различия во взаимодействии между акторами.

После сокращения уловов осетровых, с одной стороны, прилов стал менять взаимоотношения между акторами на нелегальном рынке, оказывая влияние на социальные и экономические процессы, в то же время создавая возможности для перераспределения социально обусловленных прав на ресурсы, существовавших с начала 1990-х гг. С другой стороны, прилов помогал акторам успешно противодействовать попыткам государства вернуться в русло регулирования социально-экономических процессов.

Цель данной статьи — показать, каким образом предумышленный прилов как экономико-социальное явление ведёт к изменению в отношениях между акторами локального ресурсодобывающего сообщества на побережье Каспия. Автор утверждает, что прилов каспийского тюленя, зародившись как побочный продукт осетрового рыболовства и браконьерства, постепенно породил сложные экономико-социальные явления, включающие систему многоуровневого рыночного регулирования и определённую этническую производственную специализацию. Изменения частично затронули структуру долгового оборота внутри сообщества и его внешние связи как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, структуру социальных обязательств, наконец — структуру механизмов, обеспечивающих взаимодействия в социальной среде сообщества.

В начале статьи обозначаются теоретические модели нелегального рынка биоресурсов, преобладающие в экономической социологии, и предлагается использование понятия «автономное сообщество» как концептуальной рамки для дальнейшего анализа деятельности социальных структур рынка. Затем описывается методология с дальнейшим переходом к анализу рыночной структуры в прибрежном ресурсодобывающем сообществе. В заключении делаются выводы, а также обозначаются методологические и теоретические ограничения работы.

Нелегальный рынок биоресурсов: теоретическая модель

В статье презентуется модель «автономного» сообщества как концептуальная рамка для анализа представленного материала по социальному взаимодействию. Первое, на чём следует кратко остановиться, это описание существующих исследований по теме российского нелегального рынка биоресурсов и

браконьерства; второе — на описании применения модели нелегального рынка биоресурсов, главенствующей в экономической социологии. Это делается для того, чтобы представить более или менее полную картину исследования феномена нелегального рынка биоресурсов в России и существующие теоретические орудия анализа взаимодействия на таких рынках, чтобы в дальнейшем использовании понятия «автономное сообщество» показать, какие стороны социально укоренённых практик экономической деятельности получают пристальное внимание со стороны автора данной статьи.

Говоря о нелегальном рынке биоресурсов (*illegal wildlife trade* — IWT), обычно исследователи рассматривают такой рынок как, во-первых, следствие браконьерской деятельности, во-вторых, транснациональную организованную цепь поставок и, в-третьих, коммерческое предприятие со множеством участников [Hübschle 2015]. Российский нелегальный рынок более или менее хорошо изучен в первом измерении. Браконьерство как социально-экономический и социально-культурный феномен изучалось с позиций социальной и экономической антропологии [Gerkey 2011; 2013; Davydov 2014], экологической антропологии [Ermolin, Svolkinas 2016] и неоинституциональной экономической теории [Ермолин 2015] (данная работа является единственной в российской социологической и антропологической науке). Авторы исследований рассматривают браконьерство не только как причину развития нелегального рынка биоресурсов, но и как первоначальное звено рыночной структуры в целом, отводя этой причине первостепенную роль.

Транснациональная организованная цепь поставок, осуществляемых национальной или международной ОПГ, в свою очередь, получила внимание прежде всего со стороны криминологов [Cohen 1997; Zabyelina 2014] и экспертов международных организаций, таких как TRAFFIC и Всемирный фонд охраны дикой природы (World Wildlife Fund — WWF) (см., в частности: [Vaisman, Fomenko 2006; Meibom et al. 2010]). Авторы отмечают, что транснациональный характер сетей существенно затрудняет введение адаптивного регулирования как в странах-донорах, так и в странах-реципиентах рынка. Как бы то ни было, криминологические и экспертные работы по цепи поставок, по мнению автора, отличаются слабой эмпирической базой, что делает выводы упомянутых работ менее полезными для концептуальных обобщений, особенно в свете попыток экспертов WWF и TRAFFIC распространить результаты работы на другие регионы мира.

Криминологи способствовали анализу нелегального рынка биоресурсов в России и как коммерческого предприятия со множеством участников. Наиболее примечательны в этом ряду две работы Тани Вятт [Wyatt 2009; 2011]. В них описывается, каким образом индивиды, имеющие высокий социальный статус (высокопоставленные чиновники, состоятельные бизнесмены и др.), покрывали нелегальную добычу пушнины в тайге, иногда — принимая непосредственное участие в охоте, иногда — выступая посредниками между охотниками и торговцами, легализовали добытые криминальным способом товары.

Экономические социологи предложили ряд теоретических орудий для дальнейшей концептуализации нелегального рынка биоресурсов как экономико-социального феномена. Работы по структуре и механизмам функционирования неформальной экономики [Boeke 1942; Jenkins 1988; Feige 1989; Харт 1999; Schneider, Ernste 2002; Портес 2003; Сото 2008; Гирц 2009] дали толчок появлению нескольких теоретических концепций, посвящённых непосредственно структуре и регулированию нелегального рынка [Sandberg 2008; 2012; Dewey 2011; 2014; Beckert, Wehinger 2013; Sandberg, Heith 2013]. Наиболее целостные концептуальные рамки (в череде вышеобозначенных) получила концепция функционирования нелегального рынка Й. Беккерта (см.: [Beckert, Wehinger 2013]). Единственным пока практическим применением данной концепции можно считать работы А. Хюбшле, в которых автор анализирует функционирование нелегального рынка продуктов из рога носорога в Южной Африке с конечными пунктами потребления в Юго-Восточной Азии (транснациональные рынки) [Hübschle 2015; 2017a; 2017b].

В анализе нелегальных рынков Беккерт и его коллеги, используя принятый в социологии рынков взгляд на рынки как «социальные структуры» [Fligstein, Dauter 2007], исходят из концепции рынка как совокупности социально укоренённых практик, то есть социальных институтов, тесно встроенных в ткань политической, социальной и культурной окружающей среды [Beckert 2009]. Социальная укоренённость, важная черта нелегальных рыночных практик, определяет развитие сложных организационных общностей, не имеющих чётко очерченных границ — сетей, рассматриваемых экономическими социологами не только как совокупность связей между акторами [Burt 1992; Granovetter, Swedberg 2011], но и как потоки экономических транзакций между легальными и нелегальными организационными общностями (концепт «пространства потоков» (*space of flows*) М. Кастельса) [Castells 1999]. Для Хюбшле, как и для Беккерта, потоки выступают наиболее приемлемой альтернативой традиционному звеньевому подходу, подразделяющему рынок на три части — производство, снабжение, потребление. Потоки также лучше позволяют понять процесс социальной легитимации на любом звене экономического обмена и то, насколько государственное регулирование изменяет восприятие легальности или нелегальности товара, а также то, насколько само государство в лице органов, ответственных за принятие решений, легитимно в сложившихся условиях [Hübschle 2017a].

В данной статье предлагается взглянуть на рынок как на звеньевую структуру, допускающую некоторую степень «автономности» экономико-социальной активности в рамках определённого звена, в то же время порождающего широкие сети потоков экономических транзакций с другими звеньями. Сети потоков основаны как на родовом взаимодействии, так и на дружеском знакомстве. При этом под звеном подразумевается социальное пространство взаимодействия субъектов экономической деятельности, обусловленной действием социальных норм, стратегий и правил, то есть включающее любые «фактические контакты между продавцами и покупателями» [Полянью 2002: 86] (см. также: [Капелюшников 2005]), встроенные в структуру социальных отношений «автономного» сообщества.

Понятие «автономное сообщество»: механизмы взаимодействия внутри основных социальных единиц

В начале 1990-х гг., оставшись без эффективной государственной поддержки, ресурсодобывающие сообщества на всей территории России были вынуждены адаптировать свои стратегии выживания к новым условиям. Большинство создали новые или преобразовали старые социальные организации, которые выступили базисом для «автономизации» сообщества, трансформировав его структуры в закрытые образования. Таким образом, *автономные сообщества* могут быть определены как форма социальной организации индивидов, которая в результате эволюции социальной, экономической и политической систем превратилась в единицу хозяйственного самоуправления на определённой территории, полностью либо частично заменяющей государство в предоставлении социальных и экономических благ, обеспечении контроля над хозяйственной деятельностью и безопасностью своих членов. Автономные сообщества не следует воспринимать как единое целое: в пределах одного территориального образования могут располагаться несколько таких сообществ, однако связанных друг с другом сетевыми отношениями. Автономность обусловлена прежде всего отсутствием государственного регулирования экономических и социальных процессов внутри таких сообществ, а также во многих случаях наличием мотива сопротивления возможным попыткам государства применять меры сдерживающего характера по отношению к разным формам хозяйственной деятельности (см., например, о модели жёстких и мягких форм браконьерства [Ermolin, Svolkinas 2016]).

Возвращение государственного регулирования в начале 2000-х гг. выразилось в предельном ужесточении изъятия биоресурсов (механизм сдерживания) и отсутствии каких-либо программ устойчивого развития в регионе: делегирование полномочий по контролю над экономической и хозяйственной деятельностью пограничной службе РФ, дальнейший переход пограничной службы в подчинение ФСБ

РФ, полный запрет на вылов некоторых особо ценных биоресурсов, а также организация тендеров по распределению рыбопромысловых участков (РПУ) региональными органами власти и т. п. Однако введение в действие таких мер не привело к значимым результатам. Автономные сообщества к этому моменту были способны с помощью робастных социальных групп предоставлять достаточно эффективно и без поддержки государства экономические и социальные блага, в том числе рабочие места с конкурентной заработной платой.

Основной единицей автономного сообщества становится самообеспечиваемое домохозяйство, порождающее остальные социальные структуры². В исследуемом случае это бригада, специализирующаяся на нелегальном вылове осетровых (далее — «осетровая» бригада) [Ermolin, Svolkinas 2016], и посредники, то есть ремесленники, являющиеся не только «брокерами» нелегального рынка, но и теми, кто первыми обрабатывает шкуры. Взаимодействие между социальными структурами сообщества подчинено реципрокным, редистрибутивным (патрон-клиентским разной степени иерархизированности) и в некоторых случаях сетевым рыночным механизмам, проявляющимся в зависимости от конкретной социальной единицы. Несмотря на длительную историю исследования феноменов социальной укоренённости экономической деятельности антропологами и социологами [Мосс 1996; Granovetter, Swedberg 2011; Леви-Стросс 2011], выделение различных механизмов взаимодействия принадлежит К. Поланьи, предложившему определить экономическую деятельность как соответствие принципов (паттернов) поведения (реципрокность, редистрибуция, обмен и домохозяйство) «формам интеграции» [Поланьи 2002: 86]. Паттерны, в свою очередь, порождают специфические институты [Поланьи 2002]. Такая схема в контексте проблемы укоренённости легко вписывается в выделенную О. Уильямсоном дихотомию «рынок — иерархия» как крайние полюса взаимодействия (недосоциализированное или пересоциализированное) [Williamson 1975]. В рамках антропологической традиции концепт реципрокности был развит М. Салинсом [Салинс 1999]. Не получившая широкого распространения и не всегда положительно воспринимаемая в российской социально-экономической науке (см., например: [Капелюшников 2005]), концепция Салинса построена вокруг различения трёх видов реципрокности — генерализованной, сбалансированной и негативной — как основных механизмов экономического взаимодействия в архаическую эпоху. Генерализованной реципрокной связью автор концепции назвал обмен, при котором дар предоставляется без ожидания немедленного получения чего-то взамен. Естественно, что такая связь, построенная на высокой степени доверия, наиболее часто будет прослеживаться в случаях родовых отношений, как и полагает Салинс. Сбалансированная реципрокность как модель обмена предполагает кратковременную отсрочку при возвращении долга либо его немедленный возврат. Базируется этот вид реципрокности на разных системах ценностей у их носителей, что несколько подрывает взаимное доверие между индивидами, оказывая влияние на проведение сделок. Наконец, негативную реципрокность характеризует соответственно одностороннее получение каких-либо благ. Индивиды в сделке преследуют узкие утилитарные выгоды, нанося ущерб дающему и стремясь достичь максимальной выгоды за его счет [Салинс 1999: 177–179]. Это последнее обстоятельство может говорить о негативной реципрокности как наиболее приближенной к характеристикам рыночного механизма. При этом, вопреки мнению Салинса, родственные связи не служат гарантом избегания негативной реципрокности. Иерархия родственных групп и (или) подгрупп генерирует ещё больший негативный реципрокный феномен, если ресурс скуден и ограничен распределением заранее установленных прав.

² Как основной источник социального и экономического взаимодействия самообеспечиваемое домохозяйство в 1990-е гг. направляло деятельность остальных единиц по изъятию биоресурсов и делало это как в русле удовлетворения домашнего потребления мяса и икры осетровых (что вписывается в традиционную схему Поланьи), так и в меньшей степени домашнего производства копильной продукции для внешнего рынка. С середины 2000-х гг., с уменьшением уловов, рынок становится преобладающим паттерном поведения в отношении продукции из осетровых. В то время как прилов каспийского тюленя формирует гетерогенность паттернов поведения (по крайней мере, на современном этапе).

Упомянутая иерархичность как источник негативной реципрокности часто становится спусковым крючком для редистрибуции, то есть перераспределения благ в специфических социальных образованиях в процессе первоначальной хозяйственной деятельности. При этом разница между редистрибутивными и реципрокными механизмами заключается в наличии определённого центра принятия решений и концентрации (как материальной — ресурсной, — так и функциональной) в этом центре, порождающем в результате патрон-клиентские отношения между индивидами. Для редистрибуции характерны и чётко структурированные процедуры соблюдения неформальных контрактов, однако подкрепляемые во многих случаях сложившейся репутацией индивида: «Был ли у участников транзакции или их знакомых удовлетворительный прошлый опыт сделок с этим индивидом» [Грановеттер 2002: 53].

Как реципрокные, редистрибутивные, так и традиционные рыночные операции подразумевают наличие множественности форм денег (или социальных денег) [Зелизер 2002], когда деньги превращаются в «социально укоренённые долговые отношения» [Ingham 1996] (см. также: [Аникаева 2008]) с многоцелевым назначением. Долговой оборот предполагал в случае данного исследования и отсрочки платежа долга из-за соблюдения должником других социальных материальных обязательств, и наличие социального вспомоществования малоимущим членам сообщества.

Разветвлённое социальное саморегулирование в автономном сообществе побережья способствовало появлению на свет четырёх звеньев нелегального рынка в предгорной и горной областях Дагестана и в меньшей степени в Казахстане начиная с 1990-х гг. Постепенно укреплявшиеся сетевые связи определили специфику специализации на каждом звене рынка шкур (и в гораздо меньшей степени — жира) каспийского тюленя, став одним из важных источников развития автономного сообщества в горных районах республики, существующим в данный момент параллельно с прибрежным.

Прилов каспийского тюленя и структура нелегального рынка товаров из тюленя в Дагестане

Предумышленный прилов каспийского тюленя можно считать продуктом длительного существования легального и нелегального рынков осетровых в регионах Каспия, включая три прибрежных российских региона, Азербайджан, прибрежные регионы Казахстана и в меньшей степени Туркменистан и север Ирана, где благодаря глубоким водам не было нерестовых площадей [Ruban, Khodorevskaya 2011], а также отсутствовали возможности использования кустарных технологий. Значительное сокращение с начала 2000-х гг. запасов осетровых на Каспии, ударившее по масштабам рынка, привело к тому, что рыбаки из нелегальных бригад, специализировавшиеся на вылове исключительно осетровых, всё чаще стали доставлять на берег мёртвые туши тюленей [Ermolin, Svolkinas 2016]. Тюлень как объект промысла для местных рыбаков впервые обозначается в середине XVIII века (Северный Каспий). Однако неограниченная легальная и нелегальная (с середины 2000-х гг.) добыча привела к тому, что к концу 2000-х гг. популяция оценивалась в 104–168 тыс. особей, согласно модели возрастной популяционной структуры [Harkonen et al. 2008; Dmitrieva et al. 2015]. Несмотря на введение достаточно жёстких санкционных мер со стороны государства в рамках курса на ужесточение регулирования изъятия ценных биоресурсов, анализ количества туш тюленей, поступающих на рынки Дагестана и отчасти Казахстана, показывает постоянное увеличение доли тюленей в уловах осетровых [Dmitrieva et al. 2013; Ermolin, Svolkinas 2018].

Основными товарами, производимыми из тюленей, являются жир, шкуры и в меньшей степени желчь. Шкуры, с одной стороны, жир и желчь, с другой, реализуются через разные сегменты рынка. Если производство товаров из шкур тюленей — хорошо налаженный бизнес, то реализация жира и желчи является адресной. Жир и желчь тюленя считаются хорошим средством при лечении туберкулёза и

ревматизма, поэтому наиболее значительный спрос на эти товары существует в тюрьмах, а также среди пожилых людей. Однако жир можно найти и в свободной продаже на прилавках локальных рыбных рынков.

Особенностью нелегальных рынков биоресурсов является частое совмещение разных ролей одним и тем же актором, что в большей степени не увязывается с концепцией Беккерта и его коллег, для которых роли акторов более или менее чётко соотнесены с определёнными функциями: «Производители, потребители и посреднические регулирующие агентства, начиная с государства и заканчивая трейд-юнионами, лобби-группами и социальными движениями» [Beckert 2010: 611].

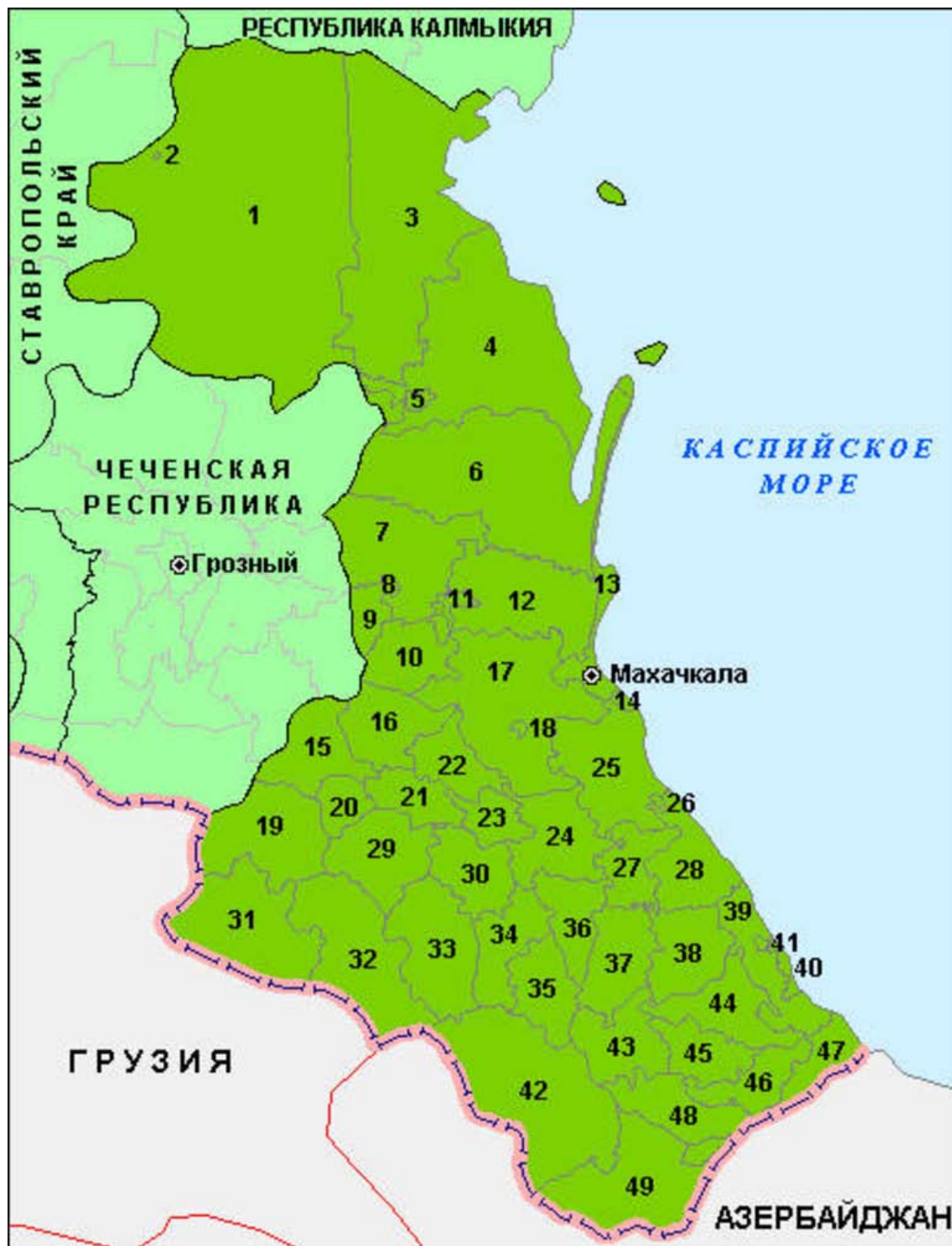
Актеры на таких рынках часто вынуждены концентрировать в своих руках потоки информации, поступающей от разных звеньев, и совмещать, например, функции организатора добычи ресурса и посредника между первичными присваивателями со стадией производства. В то же время посредник может совмещать функции непосредственного связующего звена с первичной обработкой сырья. Концентрация потоков информации означает и контроль, осуществляемый акторами, за конкуренцией на данном сегменте рынка, если не существует ограничительных факторов (родовые отношения, в том числе иерархия внутри родовых групп, влияние капиталов от миграции членов сообщества и т. д.).

Подобная ситуация во многом характерна для тех регионов, где звенья рынка расположены недалеко друг от друга (в исследуемом случае расстояние между первым и четвёртым звеньями составляет около 200 км; см. рис. 1) и (или) уровень коррумпированности местных органов исполнительной власти (ОИВ) и правоохранительных органов достаточно высокий, то есть транзакционные издержки на посредническую деятельность значительно снижены, а коррумпированность связей и концентрация потоков информации сокращают время на получение дополнительных гарантий обеспечения безопасности неформальных сделок на рынке. ОИВ и правоохранительным органам нет необходимости контролировать потоки, что достаточно сложно, если учитывать их невидимость. Эти условия создают хорошие возможности для решения обозначенных Рэйтером и позже Беккертом и его коллегами проблем координации (кооперация, ценность и конкуренция), создающих в любой ситуации неопределённость на рынке [Reuter 1985; Beckert, Wehinger 2013], однако существенно усложняют проблему несоблюдения регулятивных норм [Bunnefeld et al. 2013].

Таким образом, в структуре нелегального рынка продуктов из каспийского тюленя в Дагестане необходимо выделить четыре звена:

- непосредственно прилов тюленя или его специальный вылов. Осуществляется в поселениях северной части Дагестана неофициальными и официальными (артельными) бригадами, располагающимися на берегу Каспийского моря, а также рек. В рамках этого звена нелегальный рынок тюленя пересекается с рынком осетровых;
- скупка туш или шкур, первичная обработка шкур посредниками и извлечение жира и желчи в некоторых крупных поселениях. Осуществляется в прибрежных поселениях Каспия;
- скупка туш или шкур, первичная обработка шкур посредниками в предгорных поселениях Дагестана. Отличительной чертой данных посредников является то, что они обладают холодильными камерами для хранения большого объёма туш (до 2000 экземпляров). Холодильники предоставляют им преимущества в ценообразовании и соответственно в дальнейшей перепродаже;

— производство товаров широкого потребления из шкур тюленя: шапок, кепок, дублёнок, сапог и туфель. Осуществляется в горных районах Дагестана. Является частью традиционного ремесленного «шапочного» промысла. Товар далее поступает на рынки разных регионов России (в основном — в районы Крайнего Севера, Москву и Санкт-Петербург).

Примечание: Районы, где проводились основные полевые исследования, обозначены цифрами 12 (Кизилюртовский район), 13 (Махачкала), 6 (Бабаюртовский район), 4 (Кизлярский район), 3 (Тарумовский район). Первоначальная информация была получена в Гумбетовском (16) и Левашинском (24) районах.

Рис. 1. Карта Республики Дагестан с обозначением районов проведения исследования

Методология исследования

Поскольку исследование продолжается, в данной статье в основном затрагиваются социальные и экономические процессы, происходящие в первом и втором звеньях нелегального рынка. Исследование прилова как экономико-социального явления началось с участия автора статьи в рабочем совещании «Каспийский тюлень: современный статус, проблемы сохранения и использования», организованным Институтом проблем экологии и эволюции (ИПЭЭ) РАН в марте 2015 г. и в последующей экспедиции (лето 2015 г.) в поселения прибрежного и предгорного Дагестана. Многочисленная информация по прилову поступала автору в ходе реализации проекта по исследованию социальных аспектов осетрового браконьерства (2011/2012–2016 гг.).

Таким образом, удалось аккумулировать данные по социальным и экономическим процессам в регионе начиная с первой полевой экспедиции лета 2012 г. и заканчивая последней, проведённой в марте 2017 г. Если принимать во внимание экспедиции, совершённые с 2012 г., то всего было проведено 10 полевых экспедиций протяжённостью от двух недель до трёх месяцев; из них три экспедиции были специально ориентированы на исследование проблемы прилова как социального и экономического явления; только одна экспедиция проходила в горных районах (2015 — март 2017 гг.).

Прошлые экспедиции, проводимые в рамках проекта по осетровому браконьерству, определили дальнейший выбор обоснованной теории (*grounded theory*) как основы методологии исследования [Glasser, Strauss 1967; Жеребцов 2004]. Обоснованная теория исходит из данных, полученных в ходе практики, а не предполагает получение данных на основе уже существующей теории. В начале метод строился на транскрибировании, кодировании по заявленным темам уже проведённых интервью, фокус-групп (с начала 2012 г.) и полевых наблюдений, отражённых в этнографическом дневнике (всего с 2012 г. было сделано 472 страницы записок, из которых 120 страниц — в результате трёх последних экспедиций) [Munck 2009]. В записки вносилась информация не только по результатам неформальных встреч или бесед, но и прямых наблюдений на основных площадках деятельности в сообществе [Sanjek 1990]. Затем кодированные данные были соотнесены с паттернами, появившимися в результате трёх целенаправленных экспедиций. При этом использовались процедуры для проверки валидности данных.

Всего в 2012–2017 гг. было проведено 58 полуструктурированных интервью (длительностью от 30 мин до 4 ч.) и четыре фокус-группы (по два часа в среднем) с рыбаками, членами их семей, директорами рыбодобывающих предприятий региона, с посредниками из прибрежных и предгорных районов и с ремесленниками из горных поселений. Из них 13 интервью и одна фокус-группа — за время непосредственного изучения прилова; четыре интервью — в районах Крайнего Севера России и три интервью — в Азербайджане; 34 интервью были проведены по вопросам, разработанным в рамках социобиографического подхода (*life-story approach*) [Peacock, Holland 1993; Bruner 2004; Рождественская 2012]. Использование социобиографии задумывалось как исследование «карьерного пути» рыбака³, постепенно добавившее много информации о мотивации криминальной активности до и после резкого сокращения запасов осетровых, о взглядах респондентов на политическую, экономическую и социальную системы, об отношениях в сообществе и т. д. Предварительная работа, проведённая до использования подхода, заключалась в изучении биографий членов семей поселений — площадок для исследования. Внимание было уделено публикациям в местных газетах и журналах, а также архивным материалам по истории развития рыболовецких поселений. Интервью с 26 респондентами проводились в три раунда, что позволяло усилить доверие между респондентом и исследователем [Spiro 1996] (см. подробнее приложение).

³ Рыбаков, которых обычно отождествляют с браконьерами, автор предпочитает называть рыбаками, специализирующимися на вылове осетровых, так как это лучше отражает их самоидентификацию.

Важно отметить, что изначально прилов как социальный и экономический феномен не был темой для интервью или фокус-групп (с 2012 г.). Постепенно, однако, тема оказалась даже более актуальной для местного дискурса, чем осетровые.

Поскольку вылов рыб осетровых пород, а также любой способ изъятия тюленевых (умышленная охота, преднамеренный прилов и прилов как неинтенциональный акт) являются в России серьёзным уголовным преступлением, автор гарантировал анонимность всем тем, кто в той или иной форме содействовал проведению данного исследования. Были изменены имена интервьюированных, скрыты названия поселений, в которых проводилось исследование. В то же время автор не запрашивал какого-либо разрешения от комитетов по этике для проведения полевых работ в Республике Дагестан.

Результаты: социальные и экономические взаимодействия в рамках четырёх звеньев нелегального рынка

Локальные ресурсодобывающие сообщества в России получили большую степень автономности с начала 1990-х гг., когда государство было не способно имплементировать какую-либо устойчивую стратегию регулирования биоресурсов [Ермолин 2015]. Браконьерство как спонтанная индивидуальная активность в прибрежных каспийских регионах (государства бывшего СССР) зародилось в 1970-х — начале 1980-х гг.: жители прибрежных поселений, а также рынки советских республик почувствовали небольшой дефицит мяса и икры осетровых пород рыб, что и послужило толчком к активизации нелегального бизнеса. В СССР такая браконьерская активность одиночек наказывалась как уголовное преступление (до двух лет заключения). К сожалению, в данный момент невозможно исследовать зарождение автономного сообщества, а значит, становление и развитие нелегального рынка осетровых в начале последнего десятилетия XX века. Можно наблюдать только процессы сжатия или перехода социальных и экономических институтов в новое состояние. Те социальные и экономические процессы, которые характерны для зародившегося рынка тюленевых, не всегда были присущи рынку осетровых, хотя во многом и вышли из него.

Результаты исследования отражают, какие изменения в социальную и экономическую структуру первого и второго звеньев рынка привнесло сокращение осетрового и расцвет тюленевого бизнеса. В основу структуры анализа результатов автор положил рассмотрение действия механизмов редистрибуции (патрон-клиентских отношений) и трёх видов реципрокности в рамках первого и второго звеньев рынка. Действие редистрибуции (патрон-клиентских отношений) предлагается рассмотреть при анализе ситуаций взаимодействия в «осетровой» бригаде до момента наступления долговых обязательств по выкупной операции рыбака из казахской тюрьмы. В ситуациях выкупной операции и посредничества, включая социальное вспомоществование, автор предполагает, что основную роль играют три выделенных в теоретической части вида реципрокности.

«Осетровая» бригада и посредники как точки контроля «потоков». Вызов для механизма редистрибуции

Осетровое браконьерство, носившее достаточно спонтанный и индивидуальный характер в 1970–1980-х гг., с началом распада СССР и появлением автономного сообщества получило новое направление развития — организованное с определённой чётко выстроенной структурой. «Осетровая» бригада, согласно локальной категоризации, предполагает чёткое разделение социальных ролей внутри данной социальной единицы, порождающих экономические обязательства в сообществе. Условно можно выделить два типа бригад — *родовую* («*тухумную*») и *интернациональную*⁴, состоящих из трёх–четырёх

⁴ Разделение бригад на два типа не всегда возможно, поскольку некоторые рыбаки в зависимости от территории вылова работают как в одном, так и в другом типе бригады. Всё же автор делает допущение, что этническое большинство формирует бригады в соответствии со структурой родовых отношений данного этноса, и это серьёзно влияет на объёмы уловов или прилова (см. подробнее: [Ermolin, Svolkinas 2018]).

человек, работающих на *байде* — лодке собственного производства, приспособленной к плаванию как в глубоких водах Южного Каспия так и на мелководье Северного Каспия, и оснащённой мотором 250–1000 л. с. Надо отметить, что бригада не должна отождествляться с байдой. Бригада может включать от одной до трёх-четырёх байд, находящихся во владении у одного хозяина. Рыбаки в бригаде, помимо *владельца*, который владеет моторами, сетями и другим оборудованием и чаще всего не выходит в море с другими членами бригады, делятся на *рулевого* (капитан) и двух-трёх *«абрикосов»* (рабочих на лодке), имеющих проценты от улова (рулевой — 15%; «абрикос» — 10%; в зависимости от неформального контракта и затрат на оборудование: чем больше вложился, тем больше ответственность, но и выше процент). Существует и такой тип члена бригады, как *«полтинники»*, разделяющие расходы и доходы от деятельности пополам вместе с владельцем оборудования, то есть фактически «полтинники» являются совладельцами.

Механизмы взаимодействия необходимо разделить в зависимости от типа бригады. Если в интернациональной бригаде классические механизмы рынка во многом доминировали с начала 1990-х гг., то родовая бригада, состоящая из представителей одной родовой структуры определённой этнической группы, ведёт в большинстве случаев экономическую деятельность, используя механизм редистрибуции. Обозначенные выше проценты, определяемые в соответствии с той или иной ролью рыбака в бригаде, при «осетровом буме» покрывались большими уловами (предложение мяса и икры осетровых удовлетворяло спрос). Соответственно владелец байд занимался сбытом мяса и икры осетровых либо посредникам в сообществе, либо внешним скупщикам после этого распределял денежные средства по заранее установленным в неформальном контракте процентам. Владелец байд часто не знал покупателей товара, действуя через посредника, который, имея постоянную клиентскую базу, иногда тем не менее обращался и к случайным покупателям. Такой безличный рынок в настоящее время получил ещё большее распространение, поскольку посредники в сообществе либо ушли из «бизнеса», либо в редких случаях переквалифицировались на продажу шкур тюленя. Владелец байд вынужден самостоятельно искать покупателей товара, а после продажи распределять деньги между членами бригады согласно неформальному контракту.

Отношения внутри «тухумной» (родовой) бригады копируют структуру взаимодействия внутри родовых групп или между гардашами⁵, часто строящиеся на основе иерархических социальных норм, несущих в себе редистрибуцию (иногда сложно отличимую от негативной реципрокности) как априорное условие для существования слабых гардашей. Развитие гардашных «тухумных» иерархических отношений в поселениях прибрежной полосы Дагестана получило наибольший толчок во времена «осетрового» бума. Эволюция феномена прилова усилила такого рода механизм. Сокращение запасов осетровых и стремление членов бригады пересмотреть неформальный контракт в связи с приловом (за исключением последствий выкупной операции, о чём см. ниже) приводят к тому, что представители сильных гардашей увеличивают давление на слабые, в том числе через вливание миграционного капитала в «рыболовство». Ротация членов интернациональной бригады делает её менее стабильной единицей сообщества, чем родовая бригада. В интернациональной бригаде позиционирование членов связано с контекстом: например, позиции азербайджанцев могут кардинально различаться в зависимости от территориального места нахождения и в то же время быть схожими в рамках интернациональной бригады. И наоборот, статус азербайджанцев в интернациональной бригаде повышается или понижается независимо от их территориальной позиции и определяется навыками и умениями, полезными для бригады, однако имеет совершенно другую окраску в территориальном образовании. В исследование вошли случаи, когда члены нескольких интернациональных бригад знали, что опытные азербайджан-

⁵ Более мелкие родовые образования обозначают термином «гардаш» или «кардаш». Такие образования являются частью больших родовых групп, так называемых тухумов. Данное различие имеет достаточно важное значение при анализе всей совокупности родовых отношений в определённой локальности.

цы, работающие в бригадах «абрикосами», рулевыми или просто координирующими действия бригад с берега, в то же время имели у себя на родине неформальные обязанности, делегированные им государством по осуществлению контроля за деятельностью браконьеров. Они либо совмещали работу на два «фронта», либо занимались ею уже после исполнения неформального контракта в Дагестане.

«Тухумная» бригада является более устойчивой, стабильной, но в то же время закрытой социальной единицей, где многие действующие в сообществе нормы трактуются по-своему. Это порождает упомянутую эксплуатацию сильными гардашами слабых, касающуюся прежде всего отношений между молодыми членами слабого гардаша и владельцами байд сильных гардашей. Один из молодых членов такой «тухумной» бригады чётко выразил тенденцию в диалоге с автором:

— *А кто входил в твою бригаду?*

— *Да нет, не бригада, а просто мужик подходил, пусть родственник в моём случае, он там работал.*

— *Он владец байд был?*

— *Да, но он хоть и владец, но, пускай будет даже рыбы много, давал мне две-три рыбины от силы и 500 рублей иногда за «рейс» в Казахстан, большие никак. Знаете, как: то, что я — «абрикос»⁶.*

— *Он тебе давал 10% или нет?*

— *Никогда не давал.*

— *Почему?*

— *Потому что он считал, что я — маленький, что можно мне не платить. Мне две рыбины дашь, и я буду радоваться. Я мог пойти, что-то выудить или вскопать, и то я больше мог получить: вот огород вскопаю и могу получить 3000–4000 рублей, а у него я мог не получить даже 1000 рублей. Мог также получить не за рыбу, а за то, что сети распутываю его и мусор убираю. И то я за это только получал.*

— *На земле распутывал?*

— *Да, а там в море они не платили мне за это.*

— *Это родственник?*

— *Да.*

— *Из-за родственных связей он тебе не платил?*

— *Из-за того, что я маленький. Я ему две рыбины дам, и всё. Он такой родственник: он хоть и был моим родственником, но он мою семью ненавидел. Брат моего отца (Отец умер. — И. Е.), а моего отца родственники нас ненавидят. Он, зная об этом, не давал деньги мне, которые я должен был бы получить за работу. Они себе забирали по 3000–4000 рублей каждый, а мне говорили, что мне хватит (Л., 17 лет, 2015 г.).*

Схоже описывал ситуацию и другой член «тухумной» бригады:

— *Сколько тебе лет было тогда?*

— *16 лет.*

— *У тебя есть такие же знакомые, которым так же платят?*

— *У меня таких было много. Как я им (Владельцу байд. — И. Е.) мог объяснить? Они были старше меня. Я им что-то не так сказал — они могут подойти и ударить. А из-за чего ударил? Они могут сказать, что матом ругался, а я никогда не мог доказать, что это не так. Нет, лучше, чтобы они не говорили, что я стукач, поэтому я не говорил никому.*

— *А кто тебя бил?*

⁶ «Абрикос» в отношениях между сильными и слабыми гардашами может рассматриваться как уничижительная категория (особенно в отношении молодых членов бригад). Однако, например, по отношению к опытным азербайджанцам термин «абрикос» может подчёркивать повышение в социальном статусе.

— Меня не били. Просто знаете, как: меня вот то, что я не мог сказать про то, что мне не платят, а если сказал, например, маме, что они мне так платят, то они могли меня ударить за то, что я сказал, что они мне не платят. Он считал, что он мой родственник (Двоюродный дядька. — И. Е.) и имеет право на меня руку поднимать (П., 19 лет, 2016 г.).

Ситуация редистрибуции услуг в сочетании с негативной реципрокностью проявляется не только в отношении молодых и неопытных представителей слабых гардашей. Случаи функциональной редистрибуции могут предопределять редистрибуцию услуг в родовых бригадах, когда владелец байд навязывает того или иного члена команды либо же настойчиво требует выполнения дополнительных функций от команды, таких как жертвование «абрикосом» собой ради спасения дорогого мотора от пули снайпера армии Казахстана. Такие действия редистрибуции и в меньшей степени негативной реципрокности не следует путать с приведёнными выше примерами сбалансированной реципрокности, когда не принадлежащий к родовой группе индивид пытается войти в неё, оказав услугу владельцу бригады. Один из опытных членов родовой бригады описывает паттерневую ситуацию функциональной редистрибуции, приводящей впоследствии к редистрибуции услуг и товаров, таким образом:

Я его вообще не хотел брать. Он в том году тоже со мной ходил. У него была своя двухмоторная байда, но получился долг в миллион рублей, и он встрял. Когда он начал работу, у него один мотор полетел, и ему не дали денег, чтобы он починил этот мотор. На чьей байде работал, тот решил помочь ему, и как-то что-то... друг друга знают. Он дал ему мотор, и тот хотел его починить. Хозяин байды говорит мне: «Давай он с тобой сходит, один раз сходит. Зашёл (В море. — И. Е.) он со мной один раз. Вот так близко подносит к носу (Орудия лова. — И. Е.), пока не рассмотрит, потом начинает снимать (Рыбу. — И. Е.), а за это время можно пять-шесть таких снять. Я говорю хозяину, когда приехал: «Вот помогли ему, вытащили (Из долгов. — И. Е.), он тоже заработал». «Но ему не хватает на ремонт», — отвечает мне хозяин. Я туда еду не опыты какие-то проводить. Туда едешь работать, уйти и прийти. Не нужен мне этот человек. Второй раз пошёл... Три раза он со мной сходил, и всё время он меня вымораживал, и в этом году опять он мне попадается. Другой человек был, но хозяин байды его убрал из-за того, что у них мнения не сошлись, и опять этого впихнул. Я и хозяину перед этим человеком говорю, что не может он работать, у него порох закончился, работал в своё время, а теперь не может работать. Владелец сейчас говорит: «Всё, он больше не пойдёт». Этот человек говорит: «Тут болит, там болит, руки снимок мне надо сделать...» Я этому хозяину говорю: «У меня такое ощущение, что его из дома жена выгоняет работать». Тебе 60 лет, иди давай домой, это не твоё уже всё, надо эстафету передать другому... По приезде владелец заявил, что этому старому нужно ещё рыбы дать и денег сверху. Сам продал, сам раздал, только после этого тот отчалил (Ю., 35 лет, 2014 г.).

Падение уловов, с одной стороны, привело к удорожанию мяса осетровых и особенно икры на местных (дагестанских) рынках и всероссийском рынке, с другой, существенно повысило расходы рыбаков на организацию рейсов за осетровыми, которые зачастую длятся теперь несколько недель и осуществляются в основном к берегам Казахстана (в местной категоризации — «дальняк»). Один такой рейс может обойтись организатору в почти 500 000 руб. и часто ничего не принести. По нашим данным, в 2013–2016 гг. на 35 рейсов, совершаемых на «дальняки», приходилось шесть пустых, заполнявшихся лишь тушами тюленей [Ermolin, Svolkinas 2018].

Сокращение рынка значительно повлияло на структуру взаимоотношений в бригадах и привело к тому, что категория «полтинников» не является в данный момент широко распространённой.

Проценты по неформальному контракту, которые во многих случаях в начале исследования определялись и закреплялись репутацией рыбака, постепенно дополнялись пунктом о тюлене, согласно которому молодые члены бригад получали право привозить на берег туши либо шкуры тюленей без ограничений. Этот пункт шёл вразрез с желанием многих владельцев байд оставлять прилов в море, поскольку туши создают дополнительные преференции контролирующим органам (пограничная служба ФСБ РФ и ГМИ (Государственная морская инспекция)) во время переговоров по пропуску байд на берег. Тем не менее владельцы вынуждены соглашаться, поскольку ротация рыбаков бригад (особенно интернациональных) становится всё более заметной, а состав обоих типов бригад всё более молодым.

Вместе с тем меняется и отношение к тюленю как к животному. Один из респондентов (член бригады) охарактеризовал это изменение следующим образом:

Я же не виноват, что он (Тюлень. — И. Е.) в мои сети попал. Попал и сдох. А вообще, лет пять ещё назад я если встречал живого тюленя, старался выпустить его. Сейчас же эти (Тюлени. — И. Е.) все мои сетки порвут. Сетки стоят дорого, и никто мне не возместит ущерб... (О., 33 года, 2015 г.).

Другой респондент был ещё более красноречив:

Они же нашу рыбу едят... (Н., 26 лет, 2015 г.).

Таким образом, процесс коммодификации охватывает не только осетровых, как это было в начале 1990-х гг., но и постепенно с увеличением стоимости продуктов деятельности — тюленевых.

Ещё П. Рэйтер утверждал, что конкуренция между ОПГ — это ловушка для организованной преступности, поскольку при попытке расширить долю на рынке или даже достичь монопольного положения на нём насилие неизбежно [Reuter 1985: 20–21]. В такой ситуации более опытные акторы получают большой шанс на успех. Переходом на прилов и вылов тюленя молодые бригады решают проблему соревнования с другими более опытными бригадами, а также снижают риск ненужного внимания к ним со стороны контролирующих органов, если вдруг владелец не сможет договориться с ними.

Как бы то ни было, любой неформальный контракт подразумевает наличие не только принудительных механизмов, обеспечивающих нормальное осуществление криминальной деятельности и выживание индивидов, но и механизмов, которые приносят взаимную выгоду участникам неформальной сделки. В рамках теории нелегального рынка феномену реципрокности и редистрибуции уделяли мало внимания, несмотря на достаточную изученность социальной укоренённости. Однако при исследовании социальной сущности браконьерства реципрокности посвящены труды как экономических антропологов (в рамках моральной экономики [Scott 1976] и эксплоярной экономики [Шанин 1999]), так и экономических историков [Shakesheff 2002; Osborne, Winstanley 2006], а также криминологов [Forsyth, Gramling, Wooddell 1998]. У Дж. Скотта браконьерство как латентная стратегия сопротивления государственной политике основана на отношениях реципрокности. Нечто схожее можно увидеть и в работах Х. Осборна и М. Уинстэнли, К. Шейксхефа, а также Г. Форсайта и его коллег. Но здесь браконьерская деятельность, основанная на реципрокности, предстаёт в виде более мягкого «народного преступления» (*folk crime*), в образе благородного Робина Гуда.

В исследуемом случае реципрокность и редистрибуция являются неотъемлемой чертой социальной укоренённости и основываются как на этнических родовых отношениях, так и на отношениях между односельчанами (дружба и знакомство). Как в бригаде, так и в других социальных организациях сооб-

щества, это более всего проявляется в обороте долговых обязательств. Такие обязательства в бригаде возникают как следствие неформального контракта по распределению процентов от уловов. С одной стороны, они касаются обязательств между её членами, а с другой, обязательства между рыбаками затрагивают отношения между остальными членами сообщества, где бы они ни находились. Заметное удорожание икры и мяса осетровых привело к тому, что редистрибутивные функции владельца начали оспариваться трудовыми и постоянными мигрантами, когда-то занятыми выловом осетровых, но покинувших поселения и устроившихся на официальную работу в районах Крайнего Севера. Такие мигранты с начала 2010-х гг. вкладывают деньги в поддержание осетрового «бизнеса» в прибрежных поселениях дагестанской части Каспия, вместе с этим обеспечивая новые и надёжные рынки сбыта для продукции осетровых. Они же способствуют увеличению доли прилова в расчётах между членами бригады, усматривая новые возможности в сбыте продуктов из тюленевых в регионах-реципиентах (то, что сейчас делают ремесленники из четвёртого звена рынка). В мигрантах молодые члены бригад видят людей, способных откликнуться на изменения в конъюнктуре рынков. «Полтинник» и рулевой из числа респондентов так объясняют роль мигрантов в процессе нелегального и легального рыболовства:

— Я пять лет проработал на Крайнем Севере грузчиком, потом — охранником. Сейчас вернулся и вновь занялся рыболовством. Сетки взял в долг, технику тоже в долг, всё вот так вот в долг. Даже до сих пор В-у (Ногаец, владелец одной из артелей в поселении. — И. Е.) за бензин должен.

— То есть ты недавно взял и байду, и моторы в долг?

— Да, примерно месяц — полтора назад.

— Ты говоришь, что продаёшь свою старую лодку. А как ты её купил?

— Я её тоже в долг взял, ни рубля не дал. Здесь есть один человек, он занимается сетками, мотор ему в залог оставили. Так этот мотор у него и находился. Я к нему подошёл и спросил: «Кто владеет этого мотора?» Он сказал, что залог оставили, уже три года прошло и нет хозяев. Ну, я ему и предложил дать мне мотор под выкуп. Он согласился, пошёл после этого к другому — он оказался моим дальним родственником; у него была лодка на дворе, я сказал ему: «Дай мне её тоже под выкуп». Короче, эта техника мне обошлась в районе 80 тыс. рублей. До сих пор не отдал.

— У ногайца?

— Да. Первый мотор брал у дальнего родственника, и второй мотор взял у дальнего родственника. Оба сейчас на севере работают. Им нужны деньги от рыбалки. Вот сегодня поехал, кефали наловил, завтра поехал — осётров, если повезёт, взял, но тюлень точно будет. Он (Родственник в миграции. — И. Е.) не будет говорить нам, что тюленем байду не забывай, как многие местные делают. Для него тюлень тоже доход. Он это понимает, а местные не осознают выгоды. Вдаль не смотрят (В., 25 лет, 2015 г.);

— Я работаю в двух бригадах (В разных поселениях. — И. Е.). Здесь я езжу на байде А. (Родственника по линии жены. — И. Е.) вместе с двумя «кожарами» (Азербайджанцами. — И. Е.) и Ю. (Сыном родственника жены. — И. Е.). Работаю на 15%, но привозим мало последнее время, хоть и ходим почти каждую неделю. Я говорю А.: «Давай забирать тюленей вместе с «красняком» (То есть осетровыми. — И. Е.). Там, где я хожу с этими «кожарами» в другой бригаде, мы постоянно таскаем туши (Тюленей. — И. Е.) на берег. Бывает же попадает «матка» (Самка. — И. Е.) с детёнышем. За детёныша (Белька. — И. Е.), если «аборт» «матке» сделать, много дадут (Посредники. — И. Е.)» <...> А. отвечает, что не хочет попадаться на тюлене. Не может он, что ли, договориться. Те могут, а этот нет. Меня держит только то, что он родственник моей жены и я с ним давно работаю. Через многое прошёл (Ю., 35 лет, 2016 г.).

Владельцы бригад в неформальных беседах с автором, наоборот, часто жаловались на нежелание рыбаков соблюдать «квоты» тюленей, «установленные» владельцем на требование повышения процента от вылова.

Данные диалоги могут свидетельствовать о том, что порождённый резким ростом спроса на сопутствующий осетровым товар на рынке (а где-то и как товар-заменитель) прилов способствовал снижению в бригаде роли редистрибуции экономических благ, находившихся с начала 1990-х гг. в руках владельца, и распространению действия механизма реципрокности внутри бригады, то есть децентрализации процесса принятия решений по распределению блага.

Явление предумышленного прилова несколько изменило ситуацию доминирования родовых отношений под генерализованной реципрокной связью, когда она стала во многих случаях «сосуществовать» или подменяться сбалансированной. Наиболее отчётливо это заметно при анализе операции «выкупа» рыбака из заключения в тюрьме в Казахстане и в процессе неформальных сделок посредников с членами «осетровых» бригад, с одной стороны, и с ремесленниками-«шапочниками» из горных районов, с другой.

Генерализованная и сбалансированная реципрокность: «выкупная» операция

«Выкуп» члена бригады из «казахского плена» (задержание в казахских территориальных водах и последующее тюремное заключение) — механизм, существующий в сообществе с момента зарождения «осетрового» бизнеса в начале 1990-х гг., который до середины 2000-х гг. был распространён на всём российском побережье Каспия. Однако с окончанием периода расцвета изъятия осетровых механизм этот фактически остался только в Дагестане. Изменение условий неформального контракта не слишком повлияло на частоту убийств и задержаний рыбаков из «осетровых» бригад. За всё время исследования автору пришлось услышать про семь случаев убийства, в основном рыбаков, закрывающих своими телами моторы байд от пуль снайперов армии Казахстана, и о 15 случаях попадания членов бригад в «казахский плен» (по одной-две байды). Механизм выкупа как в родовой, так и в интернациональной бригаде, на первом этапе напрямую не связан с материальным вознаграждением, а сводится к попыткам вызволения члена бригады с помощью его похищения, что можно представить как моральный долг, определяющий отношения прежде всего между владельцем и рулевым в бригаде. Почти всегда такая реализация морального долга подразумевает адекватную компенсацию для владельца за понесённый ущерб (утрата имущества и невыполненный неформальный контракт). Кроме того, необходимо принимать во внимание и тот факт, что «выкупная» операция очень дорогостоящая, и владельцу часто легче выкрасть рыбака, чем заплатить за него. Реализация поручается владельцем членам той же бригады, но работающим на другой байде. Во многих случаях автор сталкивался с моральным долгом, связанным с возможностью для азербайджанских рыбаков стать частью конкретной родовой группы (гардаша). В таких случаях «кража» рыбака символизирует второй этап процесса социализации, когда после совместных поездок на «дальняки» и гуляния⁷ в поселениях наступает время окончательно закрепить доверие в «родовой» среде и уже после этого начинать процесс женитьбы на местной девушке (женщине) для получения в последующем преференций члена родовой группы⁸:

⁷ Гуляние — это фильтр рекрутирования в бригаду. Действует подобно более простым механизмам социального контроля внутри социальных общностей, описанных, например, Р. Брюмером [Brymer 1991].

⁸ Вопрос выбора, например, ногайской девушкой (женщиной) себе в мужа азербайджанца может иметь и другую подоплёку: во-первых, среди ногайцев массовое явление — алкоголизм, резко уменьшающий процент трудоспособных и фертильных мужчин в средних возрастах; во-вторых, с середины 1990-х заметным стал уже упоминавшийся процесс миграции в районы Крайнего Севера.

Бывало у меня всякое: тонул три раза, лёд давил байду, замерзал. Два раза застревал во льду вместе с ногайцами и как-то выбрались. Уже 10 лет как живу здесь. Считай, местный... Раза два было такое: попадались наши ребята в Казахстане. Хозяин просил нас вытащить их. Ловили момент, когда они свободно гуляли по городу, подбирали их. За это никогда не брал денег. Понимал, что у меня есть долг за то, что я здесь, за то, что хозяин мне предоставляет жильё и технику... Вот недавно женился на местной (Тёте владельца байды. — И. Е.)... У меня есть семья в Э. (Город в Дагестане. — И. Е.), там два сына; в С. (Город в России. — И. Е.) есть дочь (Д., 30 лет, 2015 г.).

«Кража» может рассматриваться как явление сбалансированной реципрокности, если эта услуга требует немедленного возвратного разрешения на брак (то есть «входа» в родовую группу). При этом отсутствие доверия, которое подкрепляет операции в механизме генерализованной реципрокности, компенсирует наличие морального долга. «Кража» не заменяет других эталонов оценивания профессиональной пригодности азербайджанцев, может осуществляться и представителями родовой группы. Однако умения и навыки азербайджанцев (включая ретрансляцию знаний из поколения в поколение) не дают им полноценного права претендовать на «место» в родовой иерархии. В то же время «кража» не является обязательным ритуалом для такого «входа». Скорее, повышает шансы, поскольку спасает владельца от дополнительных материальных убытков, связанных постфактум с урегулированием формального судебного производства.

Если «похищение» не удалось или намерения «похищать» вообще не было, то владельцу и родственникам не остаётся ничего другого, как собирать деньги непосредственно для процедуры «выкупа». Следуя определению В. Зелизер, можно назвать их «выкупными» деньгами, хотя никто не откладывает специальные деньги на такую операцию. Наличие «выкупных» денег всегда подразумевается, при этом заранее анализируются возможные каналы сбора средств подобно тому, каким образом учитываются денежные средства, собранные на свадебной церемонии в исламской традиции. Сбор денег по родовым каналам включает несколько этапов, где реализация права на сбор зависит от репутации гардаша и его положения в иерархии тухума, к которому принадлежит рыбак. Первый этап — сбор средств в ближнем круге (среди родственников в поселении, где проживает рыбак, и тех, кто покинул «малую родину» по причине трудовой или постоянной миграции); второй — сбор средств среди представителей других гардашей. Сумма выкупа в среднем составляет 1 млн руб. за одного рыбака (то же и для рыбака из интернациональной бригады), хотя может варьироваться в зависимости от ситуации. «Выкуп» тратится как на организацию судебной защиты, так и на поддержание существования заключённого (в случае осуждения со смягчением приговора). Родственники из гардаша нанимают адвоката, который уже имел опыт участия в подобных судебных процессах, где защищал интересы членов этого гардаша. Однако несколько респондентов подчёркивали в своих интервью, что делали неудачные попытки разрешить ситуацию с помощью местных адвокатов из Казахстана до обращения к «своему» юристу:

Когда мой муж попал в «плен» там, в Казахстане, я бросилась собирать деньги для его освобождения <...> Первые 1500 дол. ушли на выплату штрафа за нарушение режима пограничной зоны (То есть границы с Казахстаном. — И. Е.). Вроде бы вопрос отпал. Но адвокат (Казахский. — И. Е.) потребовал больше денег, стал угрожать мужу «проблемами» в тюрьме. Я была вынуждена переоформить на этого адвоката машину мужа, затем уже только обратилась к родственникам (Двоюродным братьям, проживающим на Крайнем Севере. — И. Е.) за помощью. Таким образом, удалось насобирать в долг 400 тыс. руб. Осталось 150 тыс. руб. к сегодняшнему дню (Д., 32 года, 2016 г.);

У меня адвокат был русский, который уже решал подобные дела в Казахстане, решал успешно за наших рыбаков. Он мне сразу «убрал» статью за браконьерство, хотя я и признал, что

у меня в байде была одна севрюга с икрой. Три тюленя, правда, ещё было, но на них не клюнули пограницы (П., 35 лет, 2016 г.).

Таким образом, адвокат в родовой группе не имеет «должностного» оклада и не входит в близкий круг семьи (родовой группы), как это принято в классических мафиозных структурах (см., например: [Paoli 2008]). Такой адвокат — наёмный служащий, имеющий неформальный срочный договор, с очень конкурентной заработной платой и опытом работы по подобным делам. Обычно адвокат, обслуживающий интересы конкретного гардаша, уменьшает упомянутый в интервью срок с двух–трёх лет до шести месяцев колонии-поселения, а иногда приводит и к освобождению рыбака в зале суда.

Отбывший срок рыбак, возвратившись в поселение, должен отработать неформальный контракт, заключённый через выкупную операцию, перед гардашем или гардашами (в том случае, если долг по выкупу не выплачен владельцем бригады) и в любом случае — перед владельцем. Отработка долга как за «выкуп», так и за утраченное оборудование в корне меняет отношение владельца к изменению контракта, который приобретает характер генерализованной реципрокности (наличие доверия между сторонами и долгосрочная отсрочка возврата услуги). В этом случае владелец сам всегда настаивает на включении прилова тюленей в расчёт. Посредники второго звена при этом получают достаточно большую долю, так как своего выхода для сбыта и переработки шкур в окончательный продукт у владельцев нет.

Если попавшийся рыбак не имеет родовой поддержки (что обычно для члена интернациональной бригады), его родственникам очень сложно собрать необходимые средства для «выкупа», поскольку у семьи рыбака низкий социальный статус, а кредитоспособность подрывается отсутствием официальных источников заработка кого-либо из членов семьи, разрывом связей между родственниками в миграции и т. д. В такой ситуации рыбак получает высшую меру наказания, предусмотренную по статье за браконьерство, то есть два или три года тюремного заключения с правом проживания в колонии-поселении. Неформальный контракт между владельцем и рыбаком по долговым обязательствам, оставшимся после потери моторов и лодки в Казахстане, начинает действовать сразу после вынесения приговора. По контракту владелец выступает в том числе посредником при разрешении споров между членами бригады, иногда в достаточно конфликтных ситуациях:

Как И. посадили, так мне постоянно звонил отец А. (Ездил как «абрикос» на одной с И. байде, где А. был рулевым. — И. Е.) и требовал вернуть долг непонятно за что — 1500 дол. Сын (Респондента. — И. Е.) попросил связаться с В. (Владелец байды, который проживал в другом городе. — И. Е.) и поговорить о том, чтобы он позвонил В. и разрешил ситуацию. А то ведь этот А. устроился охранником в церковь, где работает моя дочь, и постоянно напоминал ей о присутствии долга. Слава богу, В. позвонил ему и, видимо, что-то жёсткое сказал... Вот уже много месяцев не звонит. Дочь и так из-за этой рыбалки сына заложила дом (Н., 50 лет, 2016 г.).

В отличие от вышеописанной ситуации с реализацией механизмов генерализованной реципрокности в системе родовых отношений, в случаях, когда на место родовых встают отношения дружбы или знакомства, механизмы реципрокности (с теми же вышеобозначенными характеристиками данного типа реципрокности, только с более длительным сроком возврата) начинают работать в режиме постфактум. За время исследования все рыбаки, не имевшие «родовой» поддержки, были осуждены на три года (максимальное наказание по статье за браконьерство) и оштрафованы на 1500 дол. за незаконное пересечение границы. В течение отбытия срока в колонии-поселении рыбаки получают натуральную поддержку от владельца (в основном товарами первой необходимости), а после отбытия наказания некоторые из них продолжают работать в бригаде этого владельца. Отработка долга здесь ничем не

отличается от случая с рыбаком из тухума. Но автору пришлось столкнуться и с другим способом сотрудничества владельца и рыбака. Анализ нескольких случаев даёт возможность прийти к заключению, что генерализованная реципрокность не только порождает существенную отсрочку с выплатой экономического долга, но и содействует переводу контрактных обязательств в легальную плоскость:

Три года отсидел в А. (Город в Казахстане. — И. Е.). Когда вышел, то стал искать другую работу. Ещё какое-то время поскитался по морю, занимался переправкой вещей на байде из Э. к нам. Потом вдруг мой одноклассник — односельчанин — предложил устроить меня на работу в один из городов Крайнего Севера. Там много наших работает. К этому времени должен был много по рыбалке, как и мой друг (Работал вместе с респондентом на одной байде. — И. Е.). Решил: а почему бы и нет... Сестра одолжила денег на переезд. Уже там связался с П. (Бывший владелец байды, на которой рыбак попал в «плен». — И. Е.). Он предложил мне в счёт долга купить ему шеститонную машину-холодильник. Я уже официально полгода проработал здесь на Севере и взял эту машину в кредит, теперь плачу по 19 тыс. руб. в месяц. П. сейчас в Москве живёт. Предложил мне совместную работу на этой машине. Думаю согласиться. Хотел долг окончательно забыть и помочь выплатить кредит за машину (Э., 28 лет, 2015 г.);

Последний год проработал в В. (Регион на Крайнем Севере России. — И. Е.), устроился там через Э. (Владелец бригады. — И. Е.) на газовое месторождение. Работа так себе, зато официально. Работал там вместе с ребятами из бригады. Мы там наладили тоже «рыбный» бизнес: ловили в местной реке сибирского осётра тем же способом, что и дома. Потом сбывали через Э. Делали настоящие банки. В итоге быстро отдал долг за Казахстан (М., 38 лет, 2015 г.).

Таким образом, реципрокные отношения, однажды возникнув между мастером и «рулевым», приносят им как экономическую, так и моральную компенсацию за провалы в рыболовстве. При этом генерализованная реципрокность служит механизмом страхования жизнедеятельности самообеспечиваемого домохозяйства, по сути, в экстремальных ситуациях, когда принуждение к немедленному исполнению долговых обязательств со стороны владельца поставило бы домохозяйство в очень трудную ситуацию [Эггертссон 2001]. Принуждение к исполнению может осуществляться разными способами — через влияние на репутацию рыбака в сообществе, особенно если он решит продолжить рыболовство, развитие отношений с ним в дальнейшем уже на базе негативной реципрокности и т. д.

Институт посредничества: множественность механизмов взаимодействия

Резкое сокращение популяции осетровых не только изменило реципрокные взаимодействия в среде бригадных образований, но и содействовало созданию новых социальных институтов, способных компенсировать изменение товарной конъюнктуры в регионе. Посредники — оптовики, специализировавшиеся на скупке мяса и икры осетровых, — либо ушли с рынка, либо резко сократили масштабы деятельности (например, передав функции «связи» с пограничной службой непосредственно владельцам бригад), либо в гораздо меньшем числе перешли на перепродажу тюленьих шкур. Если в середине 2000-х гг. рынок «тюленьих» был монополизирован, то к середине 2010-х гг. сложилась конкурентная среда, подогреваемая не только посредниками из прибрежных поселений (второе звено), но и посредниками «новой волны» из предгорных районов (третье звено):

Когда я начинал (Посредничество при перепродаже тюленьих шкур. — И. Е.), не было никого почти. Я спокойно мог подойти к любому рыбаку здесь (В поселении. — И. Е.) и спросить, хочет ли рыбак продавать тюленей. Там в море у них много и в те времена оставалось. По-

том уже появились другие скупщики, и не только у нас (В поселении. — И. Е.), но и в степи (Р., 39 лет, 2015 г.).

Скупка и первоначальная переработка шкур были инициированы представителями даргинской этнической группы, обосновавшимися в прибрежных поселениях с конца 1970-х гг. Даргинцы не теряли родственных связей со своим тухумом в горных районах Дагестана, поэтому им удалось быстро наладить контакты с ремесленниками (четвёртое звено), которые специализировались на пошиве шапок и другой одежды из шкур животных (отсюда их название — «шапочники», закрепившееся в локальной категоризации). Поскольку дворы местных посредников (в основном ногайцев, кумыков и русских) постепенно превращались в основные «площадки действий» для сделок по тюленьим шкурам [Остром 2010], не имея как социальная единица связей среди местных рыбаков «осетровых бригад», локальные даргинцы уступили право посредничества, а вместе с ним и контроль за пространственными потоками, которые стали регулироваться сетями дружбы и знакомства, основанными как на генерализованной, так и на негативной реципрокности.

Посредники создали свою систему долговых расчётов с ремесленниками. Парадокс негативной реципрокности здесь в том, что часто посредники покупают у членов «осетровых» бригад туши для первоначальной обработки. Рыбаки являются их близкими или дальними родственниками, в сделках с которыми посредники не используют родовые связи как основу для расчётов. В то же время почти во всех сделках, наблюдаемых автором на дворах посредников, шкуры продавались ремесленникам-«шапочникам» в долг.

Представленный случай негативной реципрокности показывает, что снижение объёма ценного товара прежде всего ставит вопрос о «справедливой» торговле, определяя социальную дистанцию в родовых отношениях, когда посредники думают о том, каким образом «сохранить лицо» в ситуации, где спрос со стороны ограниченного количества ремесленников должен быть удовлетворён через насыщение рынка товарами потребления. Таким образом, вопросы репутации выходят на первый план. Некоторые посредники подчёркивают, что резкое сокращение в популяции осетровых заставило их ввести в действие новую стратегию ценообразования, приняв во внимание различия в спросе и предложении, которые существовали между посредниками и рыбаками, с одной стороны, и посредниками и ремесленниками, с другой. Стратегия ценообразования основывается на ранжировании тюленей, добытых рыбаками, по возрастной структуре⁹ и связана с дальнейшей перепродаже ремесленникам в долг, что позволяет посредникам из прибрежных поселений не проиграть конкуренцию посредникам из предгорных районов (третье звено рынка), которые благодаря большим холодильникам, вмещающим до 2000 туш тюленей, сохраняющих свои товарные качества в течение двух–трёх лет, способны предложить шкуры и жир в любое время, таким образом, регулируя цены на товар в течение года. Как бы то ни было, интересными остаются вопросы о релевантности такой стратегии в постоянно изменяющихся условиях существования рынка и о влиянии структуры родовых отношений в среде кумыков, в основном населяющих предгорья, на регулирование торговых потоков в рамках третьего звена рынка. Как показало пилотное исследование, проведённое в рамках третьего звена рынка, контроль пространственных потоков здесь осуществляется даргинцами.

В контексте анализа роли посредников в автономном сообществе не следует понимать их деятельность как исключительно построенную на механизмах негативной реципрокности. Циркуляция долговых обязательств формирует здесь не только экономическую, но и моральную основу их репутации в со-

⁹ Так, например, ценовой ряд различается: стоимость шкуры «матки», то есть взрослой особи, достигает 1200 руб. за штуку, шкура «серка», то есть тюленя средней возрастной группы (чаще всего 4–5 месяцев от роду), стоит 1800–2200 руб. за штуку; за «белька», то есть новорождённого детёныша тюленя, несмотря на резкое снижение спроса на «бельковые» шкуры, до сих пор дают самую высокую цену — до 4000 руб. за штуку.

обществе. Рост значения прилова в локальной экономике породил своеобразную систему социального вспомоществования в сообществе, где посредники оказались центральными акторами регулирования помощи неимущим слоям на основе генерализованной реципрокности. «Осетровый» бизнес позволял проводить подобное распределение благ, но только на основе родовых отношений, при этом во времена бума мало дифференцируя гардаши (особенно среди ногайцев) по социальному признаку. Многие посредники дарят рыбу и тюлений жир нуждающимся или выступают гарантами обеспечения возврата денег за продукты и одежду в местных магазинах. Особенно это релевантно для женщин, оставшихся вдовами после того, как их мужья либо утонули во время «дальняков», либо были убиты в территориальных водах Казахстана. Как правило, на руках у многих таких женщин остаются несколько несовершеннолетних детей, небольшое пособие на которых (примерно 1500 руб. в месяц, что после «откатов», система которых широко распространена в Дагестане и имеет этническое происхождение, составляет 700–800 руб.) становится единственным источником существования. В отсутствие доступных кредитных организаций для местного населения и государственных программ кредитования рыбодобывающей отрасли долговые поручительства посредников оказываются единственным источником потребительских расходов малоимущих слоёв сообщества, что особенно релевантно для русского меньшинства, чьи родовые связи слабы. Подобные системы распределения социальных благ внутри определённого сообщества отмечаются и в других частях мира (см., например, анализ системы паду в некоторых штатах Индии и Шри-Ланке: [Lobe, Berkes 2004]).

Посредники подчёркивают в интервью и неформальных беседах, что предоставление подобных благ для категорий населения с низким уровнем доходов было стимулировано всё тем же кризисом осетровых, когда как представители гардашей, так и члены сообщества без родовой поддержки потеряли основной источник дохода и в то же время были не способны поставлять тюлений для местного рынка:

У меня в Л. (Поселение. — И. Е.) много дальних родственников. Некоторые из них не имеют денег даже для того, чтобы хлеб купить. Хотя дома у них, как дворцы. В своё время (Бум «осетрового» промысла. — И. Е.) настроили. Кто-то на севере, кто-то здесь остался (Р., 45 лет, 2015 г.);

Я раз в неделю приношу знакомым (Русские по национальности. — И. Е.) три или четыре сазана или кефали, иногда тюлений жир или сало там отдаю. Несколько раз под своё имя брал им продукты в магазине (Записывают в специальную долговую тетрадь. — И. Е.). У них никого не осталось, пенсии мизерные (З., 42 года, 2015 г.).

Для многих менее сильных и властных гардашей не существовало другого пути, нежели принять поддержку посредников, породившую излишнюю субординацию и взаимные долговые обязательства. Для посредников же отсутствие любого направленного на развитие системы кредитования государственного курса, который так или иначе поддерживал бы стратегии устойчивой жизнедеятельности во многих прибрежных поселениях, а также невозможность развития альтернативных стратегий жизнедеятельности привели к восприятию государства как несправедливого, где посредники содействуют сопротивлению тех, кто был особенно сильно задет новой социальной динамикой, не позволяющей им успешно адаптировать свои стратегии жизнедеятельности к новому социальному контексту.

Заключение

В статье описывается влияние предумышленного прилова каспийского тюленя на развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане. Основной предпосылкой формирования структуры такого рынка стало появление и дальнейшее развитие *автономного ресурсодобывающего сообщества*, возникшего как ответ на экзогенные шоки (развал СССР) и создавшего собственные социальные нормы взаимо-

действия, регулирующие основные процессы жизнедеятельности внутри сообщества. Почти полное исчерпание наиболее ценного биоресурса — рыб осетровых пород — и сокращение мяса и икры осетровых, служивших главными товарами для местного и регионального рынков, вынудили сообщество развивать параллельный товаропоток тюленых шкур, жира и желчи. Таким образом, прилов как *неинтенциональный акт*, когда туши тюленя, оказавшиеся в осетровых сетях, оставались в море или поставлялись на берег адресно, постепенно превратился в *предумышленное действие*.

В основу анализа экономико-социального взаимодействия в социальных институтах сообщества — «осетровой» бригаде и среди посредников-ремесленников — было положено изучение воздействия реципрокных и редистрибутивных механизмов соблюдения неформальных контрактных отношений в бригаде: между посредниками и членами бригады, между посредниками и ремесленниками из горных районов Дагестана. В то время как сторонники теории нелегального рынка делают упор на анализе координационных механизмов в рыночной среде [Beckert 2009; Beckert, Wehinger 2013; Hübschle 2017a], автору хотелось бы остановиться на проблематизации вопросов, неизбежно вытекающих из природы автономного сообщества как источника нелегального рынка, то есть (1) на дихотомии «легальность — нелегальность» в контексте разрешения ситуации неопределённости и (2) на триаде «реципрокность — репутация — институциональное доверие».

Легальность — нелегальность

Дихотомия «легальность — нелегальность» как исследовательская проблема отходит на второй план. Нелегальность для молодых членов сообщества проектируется как нечто заданное многолетней «автономностью» социальных организаций (для многих — с рождения), где техники рационализации и нейтрализации мотивов криминальной экономической деятельности [Sykes, Matza 1957] бесполезны в отличие, например, от спонтанной браконьерской деятельности [Forsyth, Marckese 1993]. Это особенно актуально для постепенной замены нелегального рыболовства на прилов. Поскольку смена поколений среди рыбаков в сообществе происходит достаточно быстро по разным причинам (смерть в открытом море, болезни, вызванные условиями работы, и т. д.), нелегальность приобретает черты социально-легитимированного феномена, даже когда альтернативные легальные источники занятости (параллельная работа в легальных рыбодобывающих артелях, осуществление товарного рыбоводства (аквакультуры) и т. п.), занимающие в какой-то момент времени определённое место в структуре экономики сообщества, порождают большие потоки нелегально реализуемых товаров («левая» сдача рыбы частиковых пород, вылов осетровых в границах РПУ, распределённых с помощью тендеров для осуществления рыболовства местным населением)¹⁰. В этих условиях попытки помешать процессам регулирования со стороны государства, которое вернулось к своим функциям в начале — середине 2000-х гг. и стремится пресечь нелегальную деятельность, привели к быстрой адаптации социальных норм, перестройке действия реципрокных механизмов, включению в свою деятельность элементов легальной рыбодобывающей деятельности, что, в конце концов, дало эффект чередования ответов государству в виде «жёсткой» и «мягкой» форм браконьерства [Ermolin, Svolkinas 2016].

Реципрокность — репутация — институциональное доверие

Как видно из проведённого анализа, реципрокные механизмы выступают основой кооперации на разных социальных уровнях взаимодействия в сообществе. В случаях экономической деятельности по-

¹⁰ Интересен анализ межпоколенческого разрыва как явления постсоветского социально-экономического развития, однако такой анализ — предмет для отдельного исследования. Тем не менее представляется важным отметить, что «автономность» складывания локальных паттернов взаимодействия может способствовать преодолению последствий анонимии, сложившейся однажды в более крупном образовании и, соответственно, межпоколенческого разрыва, в отличие, например, от ситуации консервации и последующей активации религиозных норм ислама в их радикальных формах [Стародубовская 2015; 2016].

средников в рамках второго звена нелегального рынка реципрокность опирается на репутацию посредников, которые являются центрами регулирования потоков информации. Если посредники не способны действительно контролировать потоки информации, то асимметрия её распределения обычно порождает либо неопределённость качества товара [Sandberg 2008], либо высокие транзакционные издержки по всей цепи поставок товара [Reuter, Kleiman 1986], либо неспособность развить более конкурентную среду в специфических социальных условиях нелегальности [Fass, Francis 2004; Beckert, Wehinger 2013].

Хорошая работа посредников может разрешить две первые дилеммы (неопределённость качества товара и высокие транзакционные издержки по всей цепи поставок товара), как уже было показано некоторыми авторами (см.: [Zaitch 2002; Kenney 2007]). В нашем случае репутация посредников диктовала им изменение генерализованной (родственной) реципрокности по отношению к членам бригад (иногда заменяемую на негативную) и, наоборот, сочетание генерализованной и сбалансированной при продаже шкур ремесленникам-«шапочникам». Третья дилемма (неспособность развить более конкурентную среду в специфических социальных условиях нелегальности) в среде «автономного» сообщества проявляется не так ярко. Поскольку государственное регулирование не оказывает большого влияния на механизмы социального взаимодействия в сообществе, нелегальность большинством членов бригад воспринимается как приемлемое с точки зрения легитимности явление, а этническая гетерогенность способствует преодолению монополии в нелегальном бизнесе (в отличие от легального рыболовства, где монополию этнического большинства сложно преодолеть). Как следствие, конкуренция на рынке тюленевых развивается так же динамично, как и на осетровом в начале — середине 1990-х гг. При этом связи, когда-то установленные на родовой основе в рамках генерализованной реципрокности, помогли преодолеть проблему дефицита спроса на товар в сообществе, где описанная стратегия ценообразования с середины 2000-х гг. позволила расширить круг посредников в рамках второго звена рынка, составить весомую конкуренцию посредникам в рамках третьего и насытить спрос в рамках четвёртого звена.

Структура отношений в бригаде отличается от того, что можно наблюдать в среде посредников. Владелец бригады рассматривается как центр информационных потоков внутри бригады, но репутация в его случае не играет ключевой роли. Генерализованная и сбалансированная реципрокности лежат в основе исполнения неформальных контрактов по долговым обязательствам во всех случаях взаимодействия в бригаде, кроме внутритухумных (между сильным и слабым гардашами), построенных часто на основе редистрибуции. Социализация в бригаде, как показывают описанные случаи работы азербайджанцев в родовых бригадах и обычай «кражи» рыбака из казахского «плена» членами обоих типов бригад, даёт владельцам «достоверные сигналы кредитоспособности и тем самым надёжности» [Gambetta 2009] нового члена бригады. Сама «выкупная» операция, как и весь материальный долговой оборот, строится в бригаде по принципу морального долга, который связывает обязательствами как владельца, так и других членов бригады. В сообществе в целом это проявляется в институциональном доверии, когда бригада и посредники выступают как социальные единицы, облегчающие транзакции с помощью реципрокных механизмов.

Методологические ограничения исследования

Методологические ограничения, как и оценка рисков проведения подобных исследований, требуют написания отдельной статьи. Для изучения феноменов криминальной экономики необходима тщательная заблаговременная подготовка. Выбор методов определяется проведением пилотного проекта (не менее 1 месяца) и последующей сортировкой первоначальной информации и данных. Наиболее проблемной методологической зоной стало преодоление недоверия между исследователем, с одной стороны, и респондентами (информантами), с другой. Среди антропологов принято считать, что наилучшим

методологическим орудием для частичного разрешения проблемы служит проведение включённого наблюдения (чем дольше оно длится, тем лучше) сразу после окончания периода пилотного проекта. Автору данной статьи из-за ограниченности времени и материальных ресурсов пришлось отказаться от непрерывного включённого наблюдения, что негативно повлияло на результаты. Доверие выстраивалось не только в среде непосредственных объектов изучения, но и косвенно во взаимодействии с другими акторами (прежде всего с представителями органов власти разного уровня, правоохранительных органов и других силовых структур). При этом косвенное взаимодействие с вышеупомянутыми органами государственной власти не носило тесный характер: автор старался как можно реже контактировать с ОИВ и правоохранительными структурами, иногда, однако, используя интерес силовых структур к своей персоне для того, чтобы показать респондентам отсутствие связи с ними. Тем не менее подозрения со стороны сообщества в работе автора на силовые структуры имелись и продолжались на протяжении всего исследования, что крайне отрицательно сказалось на возможностях проведения опроса домохозяйств. В данном контексте расширение методологического поля наткнулось также на постоянные провалы попыток найма полевых местных ассистентов для проведения опросов и селективности фокус-групп из поселений сообщества (из-за всё той же закрытости социальной структуры и сенситивности темы), а также на невозможность привлечения аспирантов и студентов последних курсов ведущих вузов страны (из-за криминогенности региона (чаще субъективной криминогенности) и сложности проведения исследования). Запись интервью на диктофон не всегда давалась легко именно в последних раундах (в случае проведения трёх из них), когда, как принято считать в социальной и культурной антропологии, устанавливается наиболее тесная степень доверия между исследователем и респондентом. В конце концов, в некоторых случаях автор статьи был вынужден более активно пользоваться записями неформальных бесед при анализе ситуаций.

Теоретические ограничения исследования

В статье делается первая попытка применения концепта «автономия» к анализу хорошо организованной кустарной экономики, как рассчитанной на собственное потребление, так и имеющей товарный характер, постепенно приводящей к организованному массовому сопротивлению попыткам государства отрегулировать подобные экономические процессы силовыми методами. Как бы то ни было, невозможность исторического анализа эволюции процессов социальной укоренённости экономической деятельности сообщества, что связано с неполными данными по динамике социально-экономического взаимодействия в последнее десятилетие XX века, пока не позволяет встроить концепт «автономного» сообщества в рамки более широких теоретических подходов (таких, например, как теории модернизации и концепции транзита), предлагаемых экономистами и политологами [Acemoglu, Robinson 2001; Hinnebusch 2006], или противоположной упомянутой теории антропологической и социологической концепции постсоциализма [Tulbure 2009] (традиция как более поздняя замена постсоциализма [Hann 2012]). Анализ исторической эволюционной динамики автономного сообщества мог бы показать источники радикальной трансформации социальных институтов на рубеже 1980–1990-х гг., долгосрочной устойчивости таких институтов и т. д. Использование техники социобиографических интервью представляется на сегодняшний день единственным способом решения проблемы. Вторым схожим ограничением уже в рамках теории консервации (субдисциплины экологии) можно признать невозможность на данный момент экстраполяции концептуальных рамок автономного сообщества как источника нелегального рынка биоресурсов на другие регионы мира. Экономико-социальные исследования могли бы пролить свет на формирование социальной структуры как автономных ресурсодобывающих сообществ, так и нелегальных рынков в целом. Допустимо предположить, что такой тип сообщества явился источником расцвета организованного браконьерства и остальных звеньев нелегального рынка биоресурсов во многих странах Африки, Юго-Восточной Азии и странах бывшего СССР. Этот рынок образовался как результат распада колониальной системы либо социалистического лагеря.

Представляется интересным исследование этно-национальных особенностей взаимодействия на площадках разных звеньев рынка. Появление множества нелегальных рынков биоресурсов связано с развитием хозяйственной специализации в тех или иных этнически гомогенных регионах мира. Часто звеньевой ряд рынка формируется наличием других районов этно-национальной специализации, дополняющих друг друга в той или иной степени. Особый интерес вызывают регионы мира, где такие звенья территориально расположены недалеко друг от друга.

Приложение

Стратегия полевого исследования и анализ данных

На первоначальном этапе исследования, описываемого в данной статье, информация и данные были получены автором в 17 поселениях прибрежной, предгорной и горной частей Дагестана в 2012–2017 гг. Несмотря на проведение исследования по прилову как экономико-социальному явлению в 2015–2017 гг., информация и данные по организационной структуре «осетровых» бригад и долговому обороту в прибрежных автономных сообществах накапливались с начала полевых экспедиций по осетровому браконьерству в 2012 г. Выход на первый план проблемы прилова, обозначенный в авторском анализе локального дискурса с 2015 г., но уходящий корнями в середину 2000-х гг., способствовал применению «обоснованной теории» как основного методологического орудия планирования исследования. Стратегия полевого исследования в рамках первого и второго звеньев рынка включала использование полуструктурированных интервью, фокус-групп, а также неформальные встречи или беседы и прямые наблюдения, отражённые в полевых записках. Данные методы чередовались, что позволяло, во-первых, принять во внимание новые характеристики описываемых явлений и интегрировать их в последующее исследование того же феномена, во-вторых, способствовало укреплению доверия между автором и респондентами в сообществе. Тогда как в рамках исследования первого звена рынка (непосредственное изъятие биоресурса и возможная первоначальная обработка) широко применялся метод полуструктурированного интервью, в рамках изучения процессов взаимодействия на площадках второго звена к этому методу прибегали редко и основными методами выступали прямое наблюдение и неформальная беседа. Это объяснялось тем, что на площадках второго звена автор мог в большинстве случаев наблюдать процессы торговых сделок и переговоров между вовлечёнными акторами. Часто данный процесс протекал по сценарию включённого наблюдения [DeWalt, DeWalt 2011], когда автор был свидетелем переговоров, тянувшихся несколько дней подряд на дворах посредников прибрежных поселений. В рамках исследования первого звена прямое наблюдение по сценарию включённого осуществлялось лишь в нескольких случаях переговоров сотрудников пограничной службы РФ и членов бригад по вопросам лицензированной рыбодобывающей деятельности. Наиболее примечательными случаями прямого наблюдения и неформальной беседы автора в рамках исследования первого звена рынка являлись «гуляния» членов бригад после рейсов (особенно «дальняков»). «Гуляния» символизируют первый этап социализации новых членов бригады, на котором в ходе совместного времяпрепровождения новоиспечённый член бригады показывает, насколько ему можно доверять ту или иную информацию, выражает своё отношение к общей экономической деятельности и т. д. Анализ подобных процедур социализации и операции «кражи» рыбака из казахского «плена», как непосредственно ведущих к «входу» в родовые структуры через женитьбу на девушке (женщине) из родовой группы, следует посвятить отдельное исследование. С методологической точки зрения нужно отметить, что присутствие автора статьи на таких «гуляниях» существенно способствовало как созданию и развитию доверия в среде респондентов, так и получению важной информации и данных по разным аспектам деятельности членов бригад. С этической точки зрения присутствие исследователя на подобных площадках социализации может облегчить задачу прямого или включённого наблюдения подобных феноменов, что было бы невозможно сделать в открытом море в процессе изъятия биоресурсов членами бригады, прежде всего из-за обвинений в участии в нелегальной деятельности, неминуемо последовавших бы от членов любого университетского комитета по этике.

Особенностью проведения интервью и фокус-групп, в большей степени в рамках изучения первого звена и в меньшей — второго, является их групповой характер. Почти во всех случаях интервью, взятые у рыбаков, чередовались с интервьюированием членов их семей. При этом информация, полученная в беседе с одним членом семьи, дополняла ответы, данные другими. Большую долю семейных интервью автор провёл с семьями «абрикосов» и рулевых в возрасте 17–35 лет, тогда как лишь с двумя владельцами байд (хозяином бригад) удалось организовать индивидуальное интервью, и ни с одним из них — семейное. Вероятно, такая особенность может быть объяснена созданием и поддержанием более тесных сетей контактов и доверия с индивидами схожего с автором возраста, а также вопросами анонимности интервью, хотя автор и подчёркивал, что является независимым исследователем, не работает в интересах органов государственной власти и имеет далекоидущие исследовательские интересы в регионах Каспия.

Недоверие являлось ключевым фактором при отказе в интервью, даже в случаях, когда диктофон выключался по просьбе респондента. Как указывают некоторые исследователи, недоверие может быть основательно встроено (*embedded*) в локальную коммуникативную систему, поскольку обмен информацией рассматривается как потенциальная угроза хорошо отлаженным практикам жизнедеятельности и социальным нормам [Gavin, Anderson 2005; Nuno, St. John 2015]. Несмотря на то что русский язык для автора является родным и интервью проводились на территории информантов под их тщательным присмотром, уровень доверия, сложившегося в течение семи экспедиций по «осетровому» проекту, удалось достичь только на второй год проведения полевых исследований. Отчасти это объяснялось и разрывами в проведении полевых экспедиций, когда каждый раз приходилось преодолевать стереотипы членов сообщества, полагавших, что автор принадлежит к спецслужбам РФ (молодые члены бригад охотнее шли на контакт и после больших перерывов в полевых исследованиях).

Недоверие повлияло и на анализ полевых данных интервью. Те категории, которые первоначально использовались для кодирования предложений текстов интервью в программе MAXQDA, не приводили к логичному конечному результату, то есть не позволяли определить, к какому механизму взаимодействия приводят те или иные ситуации (реципрокные или редистрибутивные). Проблема была решена путём добавления материала неформальных бесед, отражённых в полевых записках, и создания подкатегорий в уже существующих категориях. Таким образом, удалось отразить гетерогенную картину экономико-социального взаимодействия внутри разных этнических групп прибрежных поселений. Отдельный вопрос заключался в интеграции локальных категорий (например, установление разницы между понятиями, которые характеризовали бы восприятие того или иного феномена). Сами по себе локальные обозначения, как и любой термин, обладают способностью объединять разные характеристики объектов. В случае данного исследования категоризация осложнялась этнической гетерогенностью локального социума, где в языке каждой этнической группы сообщества одинаковые социальные феномены могли отражаться по-разному, что приводило и к разному восприятию хода и результатов социального взаимодействия. По этой причине в процессе полевого исследования была предпринята попытка систематизировать локальную категоризацию путём семантического анализа языковых форм различных этнических групп. Было установлено, например, что социальные значения локальных категорий ногайского и кумыкского языков порождают в поселении схожие формы, однако отличающиеся от восприятия русским, аварским или лакским меньшинством. После проведения семантического анализа были включены новые специфически этнические категории в кодирование.

Литература

Аникаева Е. А. 2008. Основные подходы к исследованию денег в социологии. *Экономическая социология*. 9 (1): 114–124. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2008-9-1/26591057.html>

- Гирц К. 2009. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге. *Экономическая социология*. 10 (2): 54–61. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-2/26594126.html>
- Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–59. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44
- Ермолин И. В. 2015. Процессы коммунального саморегулирования «неформальной» экономики (на примере прибрежного рыболовства в Сулаке, Республика Дагестан). *Экономическая политика*. 10 (1): 159–176.
- Жеребцов М. В. 2004. Метод «Grounded Theory» как метод качественного анализа данных. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 1: 89–105.
- Зелизер В. 2002. Создание множественных денег. *Экономическая социология*. 3 (4): 58–72. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-4.html>
- Капелюшников Р. И. 2005. Деконструируя Поланьи: заметки на полях «великой трансформации». *Социологический журнал*. 3: 5–36.
- Леви-Стросс К. 2011. *Структурная антропология*. М.: АСТ; Астрель.
- Мосс М. 1996. *Очерк о даре. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: Изд. фирма «Восточная литература».
- Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Остром Э. 2010. *Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности*. М.: ИРИСЭН.
- Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.
- Поланьи К. 2010. *Избранные работы*. М.: Территория будущего.
- Портес А. 2003. Неформальная экономика и её парадоксы. *Экономическая социология*. 4 (5): 34–54. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5/26593865.html>
- Рождественская Е. Ю. 2012. *Биографический метод в социологии*. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Салинс М. 1999. *Экономика каменного века*. М.: ОГИ.
- Сото Э. де 2008. *Иной путь. Экономический ответ терроризму*. М.: Социум.
- Стародубровская И. В. 2015. Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации. *Экономическая политика*. 10 (3): 68–88.
- Стародубровская И. В. 2016. Социальная трансформация и межпоколенческий конфликт (на примере Северного Кавказа). *Общественные науки и современность*. 6: 111–124.

- Харт К. 1999. Неформальные доходы и городская занятость в Гане. В сб.: Шанин Т. (отв. ред.). *Неформальная экономика: Россия и мир*. М.: Логос; 532–537.
- Шанин Т. 1999. Эксплоатационные структуры и неформальная экономика современной России. В сб.: Шанин Т. (отв. ред.). *Неформальная экономика: Россия и мир*. М.: Логос; 11–32.
- Эггертссон Т. 2001. *Экономическое поведение и институты*. М.: Дело.
- Acemoglu D., Robinson J. 2001. A Theory of Political Transitions. *American Economic Review*. 91 (4): 938–963.
- Beckert J. 2009. The Social Order of Markets. *Theory and Society*. 38 (3): 245–269.
- Beckert J. 2010. How do Fields Change? The Interrelations of Institutions, Networks, and Cognition in the Dynamics of Markets. *Organization Studies*. 31 (5): 605–627.
- Beckert J., Wehinger F. 2013. In the Shadow: Illegal Markets and Economic Sociology. *Socio-Economic Review*. 11 (1): 5–30.
- Bell S., Hampshire K., Topalidou S. 2007. The Political Culture of Poaching: A Case Study from Northern Greece. *Biodiversity and Conservation*. 16 (2): 399–418.
- Boeke J. H. 1942. *Economies and Economic Policy in Dual Societies*. Haarlem: TjeenkWillnik.
- Bruner J. 2004. Life as Narrative. *Social Research*. *An International Quarterly*. 71 (3): 691–710.
- Bunnefeld N. et al. 2013. Incentivizing Monitoring and Compliance in Trophy Hunting. *Conservation Biology*. 27 (6): 1344–1354.
- Burt R. S. 1992. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brymer R. 1991. The Emergence and Maintenance of a Deviant Sub-Culture: The Case of Hunting/Poaching Subculture. *Anthropologica*. 33 (1–2): 177–194.
- Castells M. 1999. Grassrooting the Space of Flows. *Urban Geography*. 20 (4): 294–302.
- Cohen A. 1997. Sturgeon Poaching and Black-Market Caviar: A Case Study. *Environmental Biology of Fishes*. 48 (1–4): 423–426.
- Davydov V. 2014. Fishery in ‘Free Spaces’: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village. *Polar Record*. 50 (255): 379–390.
- DeWalt K., DeWalt B. R. 2011. *Participant Observation: A Guide for Fieldworkers*. Lanham, MD: AltaMira Press.
- Dewey M. 2011. *Fragile States, Robust Structures: Illegal Police Protection in Buenos Aires*. Hamburg: German Institute of Global and Area Studies.

- Dewey M. 2014. *Crisis and the Emergence of Illicit Markets*. MPIfG Discussion Paper. Cologne: Max Planck Institute for the Study of Societies.
- Dmitrieva L. et al. 2013. Assessment of Caspian Seal By-Catch in an Illegal Fishery Using an Interview-Based Approach. *PLOS ONE*. 8 (6): 1–7.
- Dmitrieva L. et al. 2015. Inter-Year Variation in Pup Production of Caspian Seals (*Pusa Caspica*) 2005–2012 Determined from Aerial Surveys. *Endangered Species Research*. 28: 208–223.
- Ermolin I., Svolkinas L. 2016. Who Owns Sturgeon in the Caspian? New Theoretical Model of Social Responses Towards State Conservation Policy. *Biodiversity and Conservation*. 25 (14): 2929–2945.
- Ermolin I., Svolkinas L. 2018. Assessment of the Sturgeon Catches and Seal Bycatches in an IUU Fishery in the Caspian Sea. *Marine Policy*. 87 (January): 284–290.
- Fass S. M., Francis J. 2004. Where Have All the Hot Goods Gone? The Role of Pawnshops. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 41 (2): 156–179.
- Feige E. L. 1989. *The Underground Economies*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Fligstein N., Dauter L. 2007. The Sociology of Markets. *Annual Review of Sociology*. 33: 105–128.
- Forsyth C., Gramling R., Wooddell G. 1998. The Game of Poaching: Folk Crimes in Southwest Louisiana. *Society and Natural Resources*. 11 (1): 25–38.
- Forsyth C., Marckese T. A. 1993. Thrills and Skills: A Sociological Analysis of Poaching. *Deviant Behavior*. 14 (2): 157–172.
- Gambetta D. 2009. *Codes of the Underworld: How Criminals Communicate*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gavin M. C., Anderson G. J. 2005. Testing a Rapid Quantitative Ethnobiological Technique: First Steps Towards Developing a Critical Conservation Tool. *Economic Botany*. 59 (2): 112–121.
- Gerkey D. 2011. Abandoning Fish: The Vulnerability of Salmon as a Cultural Resource in a Post-Soviet Common. *Anthropology of Work Review*. 32 (2): 77–89.
- Gerkey D. 2013. Cooperation in Context: Public Goods Games and Post-Soviet Collectives in Kamchatka, Russia. *Current Anthropology*. 54 (2): 144–176.
- Glasser B. G., Strauss A. L. 1967. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago: Aldine Publishing.
- Granovetter M., Swedberg R. 2011. Introduction to the Third Edition. In: Granovetter M., Swedberg R. (eds) *The Sociology of Economic Life*. Boulder, CO: Westview Press; XIII–XLI.
- Hall M. 1996. On By-Catches. *Review of Fish Biology and Fisheries*. 6 (3): 319–352.
- Hann C. 2012. Transition, Tradition, and Nostalgia; Postsocialist Transformations in a Comparative Framework. *Collegium Antropologicum*. 36 (4): 1119–1128.

- Harkonen T. et al. 2008. Pup Production and Breeding Distribution of the Caspian Seal (*Phocacaspica*) in Relation to Human Impacts. *AMBIO*. 37 (5): 356–361.
- Hinnebusch R. 2006. Authoritarian Persistence, Democratization Theory and the Middle East: An Overview and Critique. *Democratization*. 13 (3): 373–395.
- Hübschle A. M. 2015. *A Game of Horns: Transnational Flows of Rhino Horn*. PhD thesis, Universität zu Köln.
- Hübschle A. M. 2017a. Contested Illegality: Processing the Trade Prohibition of Rhino Horn. In: Beckert J., Dewey M. (eds) *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy*. Oxford, UK: Oxford University Press; 177–197
- Hübschle A. M. 2017b. The Social Economy of Rhino Poaching: Of Economic Freedom Fighters, Professional Hunters and Marginalized Local People. *Current Sociology*. 65 (3): 427–447.
- Ingham G. 1996. Money is a Social Relation. *Review of Social Economy*. 64 (4): 507–529.
- Jenkins J. 1988. *Beyond the Informal Sector*. San Francisco: Institute for Contemporary Studies Press.
- Johnston D. W. et al. 2015. Trends in Stranding and By-Catch Rates of Gray and Harbor Seals along the Northeastern Coast of the United States: Evidence of Divergence in the Abundance of Two Sympatric Phocid Species? *PLoS ONE*. 10 (7): 1–12.
- Kenney M. 2007. *From Pablo to Osama: Trafficking and Terrorist Networks, Government Bureaucracies, and Competitive Adaption*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
- Lobe K., Berkes F. 2004. The Padu System of Community-Based Fisheries Management: Change and Local Institutional Innovation in South India. *Marine Policy*. 28 (3 May): 271–281.
- MacMillan D. C., Han J. 2011. Cetacean By-Catch in the Korean Peninsula—by Chance or by Design? *Human Ecology*. 39 (6): 757–768.
- Meibom S. von et al. 2010. *Saiga Antelope Trade: Global Trends with a Focus on South-East Asia*. TRAFFIC Project Report to the CITES Secretariat. TRAFFIC Europe. Cambridge, UK: TRAFFIC Europe and CITES. URL: <https://portals.iucn.org/library/node/9668>
- Munck V. de. 2009. *Research Design and Methods for Studying Cultures*. Lanham, MD: AltaMira Press.
- Nuno A., St. John F. A. V. 2015. How to Ask Sensitive Questions in Conservation: A Review of Specialized Questioning Techniques. *Biological Conservation*. 189 (September): 5–15.
- Osborne H., Winstanley M. 2006. Rural and Urban Poaching in Victorian England. *Rural History*. 17 (2): 187–212.
- Paoli L. 2008. The Decline of the Italian Mafia, in: In: Siegel D., Nelen H (eds) *Organized Crime: Culture, Markets and Policies*. New York: Springer; 15–28.
- Peacock J. L., Holland D. C. 1993. The Narrated Self: Life Stories in Process. *Ethos*. 21 (4): 367–383.

- Read A., Drinker P., Northridge S. 2006. Bycatch of Marine Mammals in US and Global Fisheries. *Conservation Biology*. 20 (1): 163–169.
- Reuter P. 1985. *The Organization of Illegal Markets: An Economic Analysis*. NIJ research report. Washington, DC: National Institute of Justice; US Department of Justice.
- Reuter P., Kleiman M. A. R. 1986. Risks and Prices: An Economic-Analysis of Drug Enforcement. *Crime and Justice: An Annual Review of Research*. 7: 289–340.
- Ruban G. I., Khodorevskaya R. P. 2011. Caspian Sea Sturgeon Fishery: A Historic Overview. *Journal of Applied Ichthyology*. 27 (2): 199–208.
- Sandberg S. 2008. Black Drug Dealers in a White Welfare State: Cannabis Dealing and Street Capital in Norway. *British Journal of Criminology*. 48 (5): 604–619.
- Sandberg S. 2012. The Importance of Culture for Cannabis Markets: Towards an Economic Sociology of Illegal Drug Markets. *British Journal of Criminology*. 52 (6): 1133–1151.
- Sandberg S., Heith C. 2013. Speaking with Ethnographers: The Challenges of Researching Drug Dealers and Offenders. *Journal of Drug Issues*. 43 (2): 176–197.
- Sanjek R. 1990. *Field Notes: The Makings of Anthropology*. Ithaca, NY: Cornell University Press,
- Schneider F., Ernste D. 2002. *The Shadow Economy*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Scott J. 1976. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Shakesheff K. 2002. Wood and Crop Theft in Rural Herefordshire, 1800–1860. *Rural History*. 13 (1): 1–17.
- Soykan C. U. et al. 2008. Why Study By-Catch? An Introduction to the Theme Section on Fisheries by-Catch. *Endangered Species Research*. 5 (2–3): 91–102.
- Spiro M. E. 1996. Postmodernist Anthropology, Subjectivity, and Science: A Modernist Critique. *Comparative Studies. Society and History*. 38 (4): 759–780.
- Sykes G. M., Matza D. 1957. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency. *American Sociological Review*. 22 (6): 664–670.
- Tulbure N. 2009. Introduction to Special Issue: Global Socialisms and Postsocialisms. *Anthropology of East Europe Review*. 27 (2): 2–18.
- Vaisman A., Fomenko P. 2006. *Siberia's Black Gold: Harvest and Trade in Amur River Sturgeons in the Russian Federation* (Traffic Europe Report). URL: <https://www.traffic.org/site/assets/files/3326/siberias-black-gold-sturgeons.pdf>
- Vanhatalo J. et al. 2014. By-Catch of Grey Seals (*Halichoerus grypus*) in Baltic Fisheries — A Bayesian Analysis of Interview Survey. *PLoS ONE*. 9 (11): 1–16.

- Williamson O. E. 1975. *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications: A Study in the Economics of Internal Organization*. New York: Free Press.
- Wyatt T. 2009. Exploring the Organization of Russia Far East's Illegal Wildlife Trade: Two Case Studies of the Illegal Fur and Illegal Falcon Trades. *Global Crime*. 10 (1–2): 144–154.
- Wyatt T. 2011. The Illegal Trade of Raptors in the Russian Federation. *Contemporary Justice Review*. 14 (2): 103–123.
- Zabyelina Y. G. 2014. The “Fishy” Business: A Qualitative Analysis of the Illicit Market in Black Caviar. *Trends in Organized Crime*. 17 (3): 1–18.
- Zaitch D. 2002. *Trafficking Cocaine: Colombian Drug Entrepreneurs in the Netherlands*. The Hague: Kluwer Law International.

BEYOND BORDERS

Ilya Ermolin

Deliberate By-Catch of the Caspian Seal and the Development of Illegal Wildlife Trade (IWT) in Dagestan, Russia: A Socio-Economic Approach

ERMOLIN, Ilya — Candidate of Sciences (Political Science), Visiting Fellow, joint position in: School of Earth and Environment and School of Biology, University of Leeds, (Address: Woodhouse Lane, Leeds LS2 9JT, UK); Co-director at the Centre of Environmental Crime Studies (Address: Borups Allé 235 B, 3. tv. 2400, Copenhagen NV 2400, Denmark).

Email: ilyaer31@gmail.com

Abstract

The paper describes how the deliberate by-catch of the Caspian seals in Dagestan, Russia has given to a rise in illegal wildlife trade (IWT) in the region after the sturgeon population, as the most valuable commodity for local markets, critically declined. The data were derived from using a set of anthropological and sociological methods and approaches, including semi-structured interviews (SSIs), focus groups, direct observations reflected in field notes, the life-story approach, and “grounded theory”, based on a study of sturgeon poaching conducted by the author since 2012. Although the author subdivided the local IWT into four stages that cover the coastal, piedmont areas, and highlands of Dagestan, in this article, he deepens the readers’ knowledge of the first two stages of IWT in the coastal areas. For a better understanding of the nature of regional IWT, the notion of an autonomous community is introduced. Several examples have been chosen for description: the inclusion of seals resulting from by-catch in new informal contractual relations between young fishers and boat owners, the illegal

taking of the fishers sentenced in Kazakhstan, the ransom for the release of fishers sentenced in Kazakhstan (“Kazakh captivity”), the buying of the seals’ carcasses and skins, its initial processing, and the further resale of skins to craftsmen from the mountainous areas of Dagestan. The author argues that the birth of the IWT in the regions is closely linked to the emergence of the local autonomous resource-extracting community, following the breakup of the USSR, where the Sturgeon Fishing Brigade (SFB; the first stage of IWT) and the seals’ middlemen (the second stage of IWT) play the most important roles as social entities. Autonomous community helps the young fishers of the SFB to perceive illegality as an a priori phenomenon, which was facilitated by the long-term absence of the state as the main regulator of social and economic processes. Hence, there is no sense in considering the dichotomy of “legality-illegality” as a research problem when dealing with IWT as a by-product of the autonomous resource extracting community. Results also show that different types of reciprocity and redistribution serve as the main regulatory tools in conducting economic transactions among parties involved in the coastal and highlands IWT structures. The reciprocal ties are partly based on either reputation (in the case of the middlemen) a moral obligations (in the case of the SFB).

Keywords: autonomous community; illegal wildlife trade (IWT); by-catch; Caspian Sea; poaching; reciprocity.

Acknowledgements

This work was supported by the Committee for Exploration and Research of the US National Geographic Society (Grant no W 271-13).

Reference

- Acemoglu D., Robinson J. (2001) A Theory of Political Transitions. *American Economic Review*, vol. 91, no 4, pp. 938–963.
- Anikaeva E. A. (2008) Osnovnye podkhody k issledovaniyu deneg v sotsiologii. [The Main Approaches towards the Study of Money in Sociology]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 9, no 1, pp. 114–124. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2008-9-1/26591057.html> (accessed 9 January 2019) (in Russian).
- Beckert J. (2009) The Social Order of Markets. *Theory and Society*, vol. 38, no 3, pp. 245–269.
- Beckert J. (2010) How do Fields Change? The Interrelations of Institutions, Networks, and Cognition in the Dynamics of Markets. *Organization Studies*, vol. 31, no 5, pp. 605–627.
- Beckert J., Wehinger F. (2013) In the Shadow: Illegal Markets and Economic Sociology. *Socio-Economic Review*, vol. 11, no 1, pp. 5–30.
- Bell S., Hampshire K., Topalidou S. (2007) The Political Culture of Poaching: A Case Study from Northern Greece. *Biodiversity and Conservation*, vol. 16, no 2, pp. 399–418.
- Boeke J. H. (1942) *Economies and Economic Policy in Dual Societies*, Haarlem: TjeenkWillnik.
- Brymer R. (1991) The Emergence and Maintenance of a Deviant Sub-Culture: The Case of Hunting/Poaching Subculture. *Anthropologica*, vol. 33, no 1–2, pp. 177–194.
- Bruner J. (2004) Life as Narrative. Social Research. *An International Quarterly*, vol. 71, no 3, pp. 691–710.
- Bunnefeld N., Edwards C. T. T., Atickem A., Hailu F., Milner-Gulland E. J. (2013) Incentivizing Monitoring and Compliance in Trophy Hunting. *Conservation Biology*, vol. 27, no 6, pp. 1344–1354.
- Burt R. S. (1992) *Structural Holes: The Social Structure of Competition*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Castells M. (1999) Grassrooting the Space of Flows. *Urban Geography*, vol. 20, no 4, pp. 294–302.
- Cohen A. (1997) Sturgeon Poaching and Black Market Caviar: A Case Study. *Environmental Biology of Fishes*, vol. 48, iss. 1–4, pp. 423–426.
- Davydov V. (2014) Fishery in ‘Free Spaces’: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki village. *Polar Record*, vol. 50, no 255, pp. 379–390.
- De Munck V. (2009) *Research design and Methods for Studying Cultures*, Lanham, MD: AltaMira Press.
- De Soto E. (2008) *Inoy put’*. *Ekonomicheskiiy otvet terrorizmu* [The Other Path: The Economic Answer to Terrorism], Moscow: Sotsium (in Russian).
- DeWalt K., DeWalt B. R. (2011) *Participant Observation: A Guide for Fieldworkers*, Lanham, MD: AltaMira Press.

- Dewey M. (2011) *Fragile States, Robust Structures: Illegal Police Protection in Buenos Aires*, Hamburg: German Institute of Global and Area Studies.
- Dewey M. (2014) *Crisis and the Emergence of Illicit Markets*. MPIfG Discussion Paper, Cologne: Max Planck Institute for the Study of Societies.
- Dmitrieva L., Kondakov A. A., Oleynikov E., Kydyrmanov A., Karamendin K., Kasimbekov Y., Goodman S. J. (2013) Assessment of Caspian Seal By-Catch in an Illegal Fishery Using an Interview-Based Approach. *PLOS ONE*, vol. 8, no 6, pp. 1–7.
- Dmitrieva L., Härkönen T., Baimukanov M., Bignert A., Jüssi I., Jüssi M., Kasimbekov Y., Verevkin M., Vysotskiy V., Wilson S., Goodman S. J. (2015) Inter-Year Variation in Pup Production of Caspian Seals (*Pusacaspica*) 2005–2012 Determined from Aerial Surveys. *Endangered Species Research*, vol. 28, pp. 208–223.
- Eggertsson T. (2001) *Ekonomicheskoe povedenie i instituty* [Economic Behavior and Institutions], Moscow: Delo (in Russian).
- Ermolin I. V. (2015) Protsessy kommunal'nogo samoregulirovaniya "neformal'noy" ekonomiki (na primere pribrezhnogo rybolovstva v Sulake, Respublika Dagestan [Communal Self-Regulation of "Informal" Economy: Evidences from Northern Dagestan in Russia]. *Ekonomicheskaja politika = Economic Policy*, vol. 10, no 1, pp. 159–176 (in Russian).
- Ermolin I., Svolkinas L. (2016) Who Owns Sturgeon in the Caspian? New Theoretical Model of Social Responses towards State Conservation Policy. *Biodiversity and Conservation*, vol. 25, no 14, pp. 2929–2945.
- Ermolin I., Svolkinas L. (2018) Assessment of the Sturgeon Catches and Seal Bycatches in an IUU Fishery in the Caspian Sea. *Marine Policy*, vol. 87, January, pp. 284–290.
- Fass S. M., Janice F. (2004) Where Have All the Hot Goods Gone? The Role of Pawnshops. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, vol. 41, iss. 2, pp. 156–179.
- Feige E. L. (1989) *The Underground Economies*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Fligstein N., Dauter L. (2007) The Sociology of Markets. *Annual Review of Sociology*, vol. 33, pp. 105–128.
- Forsyth C., Gramling R., Wooddell G. (1998) The Game of Poaching: Folk Crimes in Southwest Louisiana. *Society and Natural Resources*, vol. 11, no 1, pp. 25–38.
- Forsyth C., Marckese T. A. (1993) Thrills and Skills: A Sociological Analysis of Poaching. *Deviant Behavior*, vol. 14, no 2, pp. 157–172.
- Gambetta D. (2009) *Codes of the Underworld: How Criminals Communicate*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gavin M. C., Anderson G. J. (2005) Testing a Rapid Quantitative Ethnobiological Technique: First Steps Towards Developing a Critical Conservation Tool. *Economic Botany*, vol. 59, no 2, pp. 112–121.

- Geertz K. (2009) Bazarnaya ekonomika: informatsiya i poisk v krest'yanskom marketinge [The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 10, no 2, pp. 54–61. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-2/26594126.html> (accessed 9 January 2019) (in Russian).
- Gerkey D. (2011) Abandoning Fish: The Vulnerability of Salmon as a Cultural Resource in a Post-Soviet Commons. *Anthropology of Work Review*, vol. 32, no 2, pp. 77–89.
- Gerkey D. (2013) Cooperation in Context: Public Goods Games and Post-Soviet Collectives in Kamchatka, Russia. *Current Anthropology*, vol. 54, no 2, pp. 144–176.
- Glasser B. G., Strauss A. L. (1967) *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*, Chicago: Aldine Publishing.
- Granovetter M. (2002) Ekonomicheskoe deystvie i sotsialnaya struktura: problema ukorenennosti [Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 3, no 3, pp. 44–59. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44 (accessed 9 January 2019) (in Russian).
- Granovetter M., Swedberg R. (2011) Introduction to the Third Edition. *The Sociology of Economic Life* (eds. M. Granovetter, R. Swedberg), Boulder, CO: Westview Press, pp. XIII–XLI.
- Hart K. (1999) Neformal'nye dokhody i gorodskaya zanyatost' v Gane [Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana]. *Neformal'naya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and Beyond] (ed. T. Shanin), Moscow: Logos, pp. 532–537 (in Russian).
- Hall M. (1996) On By-Catches. *Review of Fish Biology and Fisheries*, vol. 6, iss. 3, pp. 319–352.
- Hann C. (2012) Transition, Tradition, and Nostalgia; Postsocialist Transformations in a Comparative Framework. *Collegium Antropologicum*, vol. 36, no 4, pp. 1119–1128.
- Harkonen T., Jussi M., Baimukanov M., Bignert A., Dmitrieva L., Kasimbekov Y., Verevkin M., Wilson S., Goodman S. J. (2008) Pup Production and Breeding Distribution of the Caspian Seal (*Phocacaspica*) in Relation to Human Impacts. *AMBIO*, vol. 37, no 5, pp. 356–361.
- Hinnebusch R. (2006) Authoritarian Persistence, Democratization Theory and the Middle East: An Overview and Critique. *Democratization*, vol. 13, no 3, pp. 373–395.
- Hübschle A. M. (2015) *A Game of Horns: Transnational Flows of Rhino Horn*. PhD thesis, Universität zu Köln.
- Hübschle A. M. (2017a) Contested Illegality: Processing the Trade Prohibition of Rhino Horn. *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy* (eds. J. Beckert, M. Dewey), Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 177–197
- Hübschle A. M. (2017b) The Social Economy of Rhino Poaching: Of Economic Freedom Fighters, Professional Hunters and Marginalized Local People. *Current Sociology*, vol. 65, no 3, pp. 427–447.
- Ingham G. (1996) Money is a Social Relation. *Review of Social Economy*, vol. 64, no 4, pp. 507–529.

- Jenkins J. (1988) *Beyond the Informal Sector*, San Francisco: Institute for Contemporary Studies Press.
- Johnston D. W., Frungillo J., Smith A., Moore K., Sharp B., Schuh J., Read A. (2015) Trends in Stranding and By-Catch Rates of Gray and Harbor Seals along the Northeastern Coast of the United States: Evidence of Divergence in the Abundance of Two Sympatric Phocid Species? *PLoS ONE*, vol. 10, no 7, pp. 1–12.
- Kapelyushnikov R. I. (2005) Dekonstruiruya Polani: zametki na polyakh “velikoy transformatsii” [Deconstruction of Polanyi: Notes in the Margins of “Great Transformation”]. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, no 3, pp. 5–36 (in Russian).
- Kenney M. (2007) *From Pablo to Osama: Trafficking and Terrorist Networks, Government Bureaucracies, and Competitive Adaptation*, University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
- Levi-Stross K. (2011) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology], Moscow: AST; Astrel (in Russian).
- Lobe K., Berkes F. (2004) The padu System of Community-Based Fisheries Management: Change and Local Institutional Innovation in South India. *Marine Policy*, vol. 28, iss. 3 (May), pp. 271–281.
- MacMillan D. C., Han J. (2011) Cetacean By-Catch in the Korean Peninsula—by Chance or by Design? *Human Ecology*, vol. 39, iss. 6, pp. 757–768.
- Moreno J. L. (2001) *Sotsiometriya. Eksperimental’nyy metod i nauka ob obshchestve* [Sociometry, Experimental Method and the Science of Society: An Approach to a New Political Orientation], Moscow: Akademicheskiy proekt (in Russian).
- Moss M. (1996) *Ocherk o dare. Obshchestva. Obmen. Lichnost’*: Trudy po sotsial’noy antropologii [The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies], Moscow: Izdatel’skaya firma “Vostochnaya literatura” (in Russian).
- North D. (1997) *Instituty, institutsionalnyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], Moscow: Fond ekonomicheskikh knig “Nachala” (in Russian).
- Nuno A., St. John F. A. V. (2015) How to Ask Sensitive Questions in Conservation: A Review of Specialized Questioning Techniques. *Biological Conservation*, no 189 (September), pp. 5–15.
- Osborne H., Winstanley M. (2006) Rural and Urban Poaching in Victorian England. *Rural History*, vol. 17, no 2, pp. 187–212.
- Ostrom E. (2010) *Upravlyaya obshchim: evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatelnosti* [Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action], Moscow: IRISEN (in Russian).
- Paoli L. (2008) The Decline of the Italian Mafia. *Organized Crime: Culture, Markets and Policies* (eds. D. Siegel, H. Nelen), New York: Springer, pp. 15–28.
- Peacock J. L., Holland D. C. (1993) The Narrated Self: Life Stories in Process. *Ethos*, vol. 21, no 4, pp. 367–383.

- Polanyi K. (2002). *Velikaya transformatsiya: politicheskiye i ekonomicheskiye istoki nashego vremeni* [Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Polanyi K. (2010) *Izbrannye raboty* [Selected Works], Moscow: Territorija budushhego (in Russian).
- Portes A. (2003) Neformal'naya ekonomika i ee paradoksy [The Informal Economy and Its Paradoxes]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 4, no 5, pp. 34–54. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5/26593865.html> (accessed 9 January 2019) (in Russian).
- Read A., Drinker P., Northridge S. (2006) Bycatch of Marine Mammals in US and Global Fisheries. *Conservation Biology*, vol. 20, no 1, pp. 163–169.
- Reuter P. (1985) *The Organization of Illegal Markets: An Economic Analysis*. NIJ research report, Washington, DC: National Institute of Justice, US Department of Justice.
- Reuter P., Kleiman M. A. R. (1986) Risks and Prices: An Economic-Analysis of Drug Enforcement. *Crime and Justice: An Annual Review of Research*, vol. 7, pp. 289–340.
- Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Life-Story Approach in Sociology], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Ruban G. I., Khodorevskaya R. P. (2011) Caspian Sea Sturgeon Fishery: A Historic Overview. *Journal of Applied Ichthyology*, vol. 27, iss. 2, pp. 199–208.
- Salins M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [Stone-Age Economy], Moscow: OGI (in Russian).
- Sandberg S. (2008) Black Drug Dealers in a White Welfare State: Cannabis Dealing and Street Capital in Norway. *British Journal of Criminology*, vol. 48, no 5, pp. 604–619.
- Sandberg S. (2012) The Importance of Culture for Cannabis Markets: Towards an Economic Sociology of Illegal Drug Markets. *British Journal of Criminology*, vol. 52, no 6, pp. 1133–1151.
- Sandberg S., Heith C. (2013) Speaking with Ethnographers: The Challenges of Researching Drug Dealers and Offenders. *Journal of Drug Issues*, vol. 43, iss. 2, pp. 176–197.
- Sanjek R. (1990) *Fieldnotes: The Makings of Anthropology*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Schneider F., Ernste D. (2002) *The Shadow Economy*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Scott J. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Shakesheff K. (2002) Wood and Crop Theft in Rural Herefordshire, 1800–1860. *Rural History*, vol. 13, no 1, pp. 1–17.
- Shanin T. (1999) Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoy Rossii [Ex-Polar Structures and Informal Economy in Present-Day Russia]. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and Beyond] (ed. T. Shanin), Moscow: Logos, pp. 11–32 (in Russian).

- Soykan C. U., Moore J. E., Zydalis R., Crowder L. B., Safina C., Lewison R. L. (2008) Why Study By-Catch? An Introduction to the Theme Section on Fisheries By-Catch. *Endangered Species Research*, vol. 5, no 2–3, pp. 91–102.
- Spiro M. E. (1996) Postmodernist Anthropology, Subjectivity, and Science: A Modernist Critique. *Comparative Studies. Society and History*, vol. 38, no 4, pp. 759–780.
- Starodubrovskaya I. V. (2015) Neformal'nye instituty i radikal'nye ideologii v usloviyakh institutsional'noy transformatsii [Informal Institutions and Radical Ideologies in the Process of Institutional Transformation]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, vol. 10, no 3, pp. 68–88 (in Russian).
- Starodubrovskaya I. V. (2016) Sotsialnaya transformatsiya i mezhpokolencheskiy konflikt (na primere Severnogo Kavkaza) [Social Transformation and Intergenerational Conflict (the Example of North Caucasus)]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, no 6, pp. 111–124 (in Russian).
- Sykes G. M., Matza D. (1957) Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency. *American Sociological Review*, vol. 22, no 6, pp. 664–670.
- Tulbure N. (2009) Introduction to Special Issue: Global Socialisms and Postsocialisms. *Anthropology of East Europe Review*, vol. 27, no 2, pp. 2–18.
- Vaisman A., Fomenko P. (2006) *Siberia's Black Gold: Harvest and Trade in Amur River Sturgeons in the Russian Federation (Traffic Europe Report)*. Available at: <https://www.traffic.org/site/assets/files/3326/siberias-black-gold-sturgeons.pdf> (accessed 9 January 2019).
- Vanhatalo J., Vetemaa M., Herrero A., Aho T., Tiilikainen R. (2014) By-Catch of Grey Seals (*Halichoerus grypus*) in Baltic Fisheries — A Bayesian Analysis of Interview Survey. *PLoS ONE*, vol. 9, no 11, pp. 1–16.
- Von Meibom S., Vaisman A., Neo Liang S. H., Ng J., Xu H. (2010) *Saiga Antelope Trade: Global Trends with a Focus on South-East Asia. TRAFFIC project report to the CITES Secretariat*. TRAFFIC Europe. Available at: <https://portals.iucn.org/library/node/9668> (accessed 9 January 2019).
- Wyatt T. (2009) Exploring the Organization of Russia Far East's Illegal Wildlife Trade: Two Case Studies of the Illegal Fur and Illegal Falcon Trades. *Global Crime*, vol. 10, no 1–2, pp. 144–154.
- Wyatt T. (2011) The Illegal Trade of Raptors in the Russian Federation. *Contemporary Justice Review*, vol. 14, no 2, pp. 103–123.
- Zabyelina Y. G. (2014) The “Fishy” Business: A Qualitative Analysis of the Illicit Market in Black Caviar. *Trends in Organized Crime*, vol. 17, no 3, pp. 1–18.
- Zaitch D. (2002) *Trafficking Cocaine: Colombian Drug Entrepreneurs in the Netherlands*, The Hague: Kluwer Law International.
- Zelizer V. (2002) Sozdanie mnozhestvennykh deneg [Making the Money]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 3, no 4, pp. 58–72 (in Russian).
- Zherebcov M. V. (2004) Metod “Grounded Theory” kak metod kachestvennogo analiza dannykh [«Grounded Theory» as the Method of Qualitative Data Analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sot-*

siologiya i politologiya = *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no 1, pp. 89–105 (in Russian).

Received: January 3, 2018

Citation: Ermolin I. (2019) Predumyshlennyy prilov kaspiyskogo tyulenyaya i razvitie nelegal'nogo rynka bioresursov v Dagestane: ekonomiko-sotsiologicheskii podkhod [Deliberate By-Catch of the Caspian Seal and the Development of Illegal Wildlife Trade (IWT) in Dagestan, Russia: A Socio-Economic Approach]. *Journal of Economic Sociology* = *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 1, pp. 83–122. doi: 10.17323/1726-3247-2019-1-83-122 (in Russian).